

КАРЛОС КАСТАНЕДА

Активная
• Сторона Бесконечности •

СОФРИЯ

Карлос Сезар Арана Кастанеда

Активная сторона бесконечности

«София Медиа»

1998

Кастанеда К.

Активная сторона бесконечности / К. Кастанеда — «София Медиа», 1998

ISBN 978-5-399-00610-9

В этой книге кроме бесед с доном Хуаном и магической работы есть то, чего не было в предыдущих, – жизнь и работа дома, в Лос-Анджелесе, в обстановке совсем не магической. Есть здесь и совершенно ошеломляющая информация. Почему мы не можем быть тем, чем мы являемся в действительности, – всесильными магическими существами? Причина в том, что нашу энергию осознания пожирают неорганические существа-хищники, «летуны». Свобода – в силе безмолвия. Как обрести ее?

ISBN 978-5-399-00610-9

© Кастанеда К., 1998
© София Медиа, 1998

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
Часть I	21
Глава 1	21
Глава 2	29
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Карлос Кастанеда

Активная сторона Бесконечности

Эта книга посвящается двум ученым, благодаря которым я вначале почувствовал желание, а затем обрел способность заниматься полевыми антропологическими исследованиями, — профессорам Клементу Мейгану и Хэролду Гарфинкелю.

Следуя их советам, я с головой окунулся в полевую ситуацию, из которой не вынырнул уже никогда. Если я нарушил дух и букву их наставлений, ну что ж... Я ничего не мог с собой поделать. Прежде чем я успел выдвинуть четкие «общественнонаучные» формулировки, меня поглотила огромная сила, которую шаманы называют Бесконечностью.

Все права зарезервированы, включая право на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

The Active Side of Infinity by Carlos Castaneda

Copyright © 1998 by Laugan Productions

© ООО Издательство «София», 2014

* * *

Предисловие

СИНТАКСИС

Человек всмотрелся в свои уравнения и заявил, что Вселенная имела начало.

В начале был взрыв, сказал он, назовем его «Большой Взрыв», так и родилась Вселенная.

И она расширяется, сказал человек.

Он даже вычислил продолжительность ее жизни: десять миллиардов обращений Земли вокруг Солнца.

И весь мир был счастлив; все решили, что его вычисления – это и есть наука.

Никому не пришло в голову, что, предположив, что Вселенная имела начало, этот человек просто следовал синтаксису своего языка, – синтаксису, который требует начал вроде рождения, развитий вроде созревания и завершений вроде смерти.

Так утверждается реальность.

Вселенная когда-то началась, а теперь она стареет, заверил нас тот человек.

И она умрет, как умирает все, как умер он сам, после того как подтвердил математически синтаксис своего родного языка.

СИНТАКСИС ИНОГО ТИПА

Действительно ли Вселенная имела начало?

Верна ли теория Большого Взрыва?

Это – не вопросы (несмотря на вопросительный знак).

Является ли синтаксис, который для утверждения реальности требует начал, развитий и завершений, единственным существующим синтаксисом?

Вот это – настоящий вопрос.

Есть другие синтаксисы.

Есть такой, например, который требует, чтобы различные варианты интенсивности принимались как факт.

В этом синтаксисе ничто не начинается и ничто не заканчивается; рождение – не четко выделенное событие, а лишь особый тип интенсивности, как и созревание, и смерть.

Человек такого синтаксиса, просматривая свои уравнения, обнаруживает, что он вычислил достаточно много вариантов интенсивности, чтобы авторитетно заявить:

Вселенная никогда не начиналась и никогда не закончится, но она прошла, и проходит сейчас, и еще пройдет через бесконечные колебания интенсивности.

Этот человек вполне мог бы заключить, что сама Вселенная является колесницей интенсивности и на ней можно мчаться сквозь бесконечные перемены.

Он мог бы прийти к этому выводу, и ко многим другим, пожалуй, даже не осознавая, что он лишь подтверждает синтаксис своего родного языка.

Введение

Эта книга является своего рода коллекцией памятных событий моей жизни. Я начал собирать их, следуя совету дона Хуана Матуса, шамана родом из индейского племени яки. Он был моим учителем и в течение тринадцати лет пытался сделать доступным для меня мир знания шаманов, которые жили в Мексике с древних времен. Дон Хуан предложил мне собирать коллекцию интересных случаев – и сделал это как бы мимоходом, словно подобная мысль только что пришла ему в голову. Но таков уж был его стиль обучения. Он предпочитал скрывать важность некоторых своих маневров, маскируя их под вполне безобидные мирские действия. Я думаю, что он защищал меня от жгучей боли окончательности, представляя все это как обычные явления повседневной жизни.

Со временем дон Хуан открыл мне, что шаманы Древней Мексики считали такое соби- рание памятных событий отличным способом расшевелить тайники энергии, заблокирован- ные в нашем «я». Он объяснил, что такие тайники состоят из энергии, которая возникает в самом теле, а затем вытесняется, выталкивается за пределы досягаемости обстоятельствами нашей повседневной жизни и становится недоступной. В этом смысле соби- рание памятных событий было для дона Хуана и шаманов его линии средством перемещения этой неиспользу- емой энергии.

Необходимой предпосылкой такого соби- рания является акт добросовестного и искрен- него сведения воедино всех связанных с событием эмоций и постижений. Ничто не должно быть упущено. Как сказал дон Хуан, шаманы его линии были убеждены, что соби- рание памят- ных событий помогает выполнить эмоциональную и энергетическую настройку, действительно необходимую для осознанного восприятия рискованного путешествия в неведомое.

Дон Хуан описал конечную цель своего шаманского знания как подготовку ко встрече лицом к лицу с *окончательным путешествием* – тем путешествием, которое каждому человеку приходится предпринимать в конце своей жизни. Он сказал, что благодаря дисциплине и реше- мости шаманы были способны сохранять свое индивидуальное осознание и помнить о своей цели даже после смерти. Для них то, что современный человек называет «жизнь после смерти», было не туманным бестелесным состоянием, а очень конкретным миром, до краев наполнен- ным практической деятельностью иного порядка, чем практическая деятельность повседнев- ной жизни, – но тоже весьма практической и функциональной. Дон Хуан считал, что соби- рание памятных событий своей жизни было для шаманов подготовкой к вхождению в ту конкретную сферу, которую они называли *активной стороной бесконечности*.

Однажды утром мы с доном Хуаном беседовали, сидя под крышей его рамады, чего-то вроде веранды, – это хрупкое сооружение из жердей с редким навесом из прутьев, который дает тень, но не защищает от дождя. Под навесом было несколько небольших крепких упаков- ченных ящиков, которые служили сиденьями. Надписи на ящиках поблекли и скорее походили на полустертые орнаменты, чем на обозначение их содержимого. На одном из таких ящиков я и сидел, прислонившись спиной к фасаду дома. Дон Хуан сидел на другом ящике, прислонив- шись к подпорному шесту рамады. Я приехал на своей машине всего несколько минут назад. Целый день просидел за рулем – в такую жаркую, влажную погоду! Я потел, нервничал и ерзал.

Как только я удобно устроился на ящике, дон Хуан начал разговор. Широко улыбаясь, он заметил, что люди, страдающие избыточным весом, просто не знают, как бороться с ожи- рением. Что-то в изгибе его губ подсказало мне, что это не просто шутка о тяготах дальних поездок на автомобиле. Камешек был явно в мой огород: под видом шутки дон Хуан самым что ни на есть открытым текстом заявил мне, что я растолстел.

Я так разнервничался, что непроизвольно дернулся на своем ящике и сильно ударился спиной о тонкую стену дома. Этот удар потряс дом до самого фундамента. Дон Хуан вопро-

сительно посмотрел на меня, но вместо того, чтобы спросить, все ли со мной в порядке, он заверил меня, что я не сломал его дом. Затем он стал пространно объяснять, что этот дом – лишь его временное обиталище, а вообще-то он живет в другом месте. Когда я спросил его, где же он живет на самом деле, он долго смотрел на меня. Его взгляд не был враждебным, но, как мне показалось, давал понять, что я сказал что-то бестактное. Я не понял, в чем тут дело, и решил было повторить свой вопрос, но дон Хуан остановил меня.

– Здесь такие вопросы не задают, – сказал он жестко. – Спрашивай что хочешь о методах или идеях. Когда я буду готов сообщить тебе, где я живу, – если вообще буду, – я скажу сам, не дожидаясь твоих вопросов.

Я почувствовал себя отвергнутым и покраснел от обиды. Неудержимый хохот дона Хуана только подлил масла в огонь. Он не просто отказался ответить на мой вопрос; он меня оскорбил, а теперь еще и смеялся надо мной!

– Я живу здесь временно, – продолжал между тем дон Хуан, не обращая внимания на мое окончательно испорченное настроение, – потому что это особый магический центр. Фактически, я живу здесь ради тебя.

Заявление было обескураживающим. Я не мог этому поверить. Может, он так говорит просто для того, чтобы загладить обиду?

– Ты действительно живешь здесь ради меня? – спросил я наконец, не в силах сдержать любопытство.

– Да, – сказал он спокойно. – Я должен воспитывать¹ тебя. Ты – такой же, как я. Сейчас я повторяю тебе то, что уже говорил раньше: задача каждого Нагваля в каждом поколении магов заключается в том, чтобы найти нового мужчину или женщину, которые, как и он сам, имели бы двойную энергетическую структуру. Я увидел такую структуру у тебя на автобусной станции в Ногалесе. Когда я *вижу* твою энергию, я *вижу* два наложенных друг на друга светящихся шара – один над другим. Это и есть то качество, которое связывает меня с тобой. Я не могу отвергнуть тебя, как и ты не можешь отвергнуть меня.

Его слова действовали на меня самым странным образом. Если только что я злился, то теперь мне хотелось плакать.

Дон Хуан сказал, что он хотел помочь мне идти по *пути воинов*, как это называют маги, при поддержке силы того места, где он жил. Место это – центр очень сильных эмоций и влияний. Здесь тысячелетиями жили воины, пропитав саму землю своим отношением к битве.

В то время дон Хуан жил в северомексиканском штате Сонора, примерно в ста милях к югу от города Гуаймас. Когда этого требовала моя полевая работа, я всегда ездил туда, чтобы повстречаться с ним.

– Неужели мне нужно вступать в битву, дон Хуан? – спросил я, не на шутку встревоженный его заявлением, что однажды и мне потребуются собственное «отношение к битве». Я уже научился принимать все, что он говорит, с предельной серьезностью.

– Можешь в этом не сомневаться, – ответил он с улыбкой. – Когда ты впитаешь в себя все, что можно впитать в этом месте, я смогу уйти отсюда.

У меня не было никаких оснований сомневаться в его словах, но я как-то не мог себе представить, чтобы дон Хуан куда-то ушел из этих мест. Он был неотъемлемой частью всего того, что его окружало. Но дом его и впрямь выглядел временным жилищем. Это была лачуга, типичная для земледельцев-яки: фактически, просто обмазанный глиной плетень с плоской соломенной крышей. В доме была одна большая комната – столовая, она же и спальня, – и пристройка-кухня без крыши.

– Очень трудно иметь дело с людьми, имеющими лишний вес, – сказал дон Хуан.

¹ Здесь: to groom – ходить за лошадью, чистить лошадь, ухаживать, холить (англ.); готовить к определенного рода деятельности (амер.). – Прим. ред.

Мне это показалось не слишком уместным. Но дон Хуан просто вернулся к той теме, с которой я его сбил, толкнув спиной стену его хижины.

– Минуту назад ты ударил мой дом, как стенобитный шар, – сказал он, медленно покачивая головой из стороны в сторону. – Какой удар! Удар, достойный такого упитанного человека.

Меня задело, что он говорит обо мне так, словно на мне можно уже поставить крест. Я немедленно занял оборонительную позицию. Дон Хуан, ухмыляясь, выслушал мои бессвязные объяснения о том, что для такой костной структуры у меня совершенно нормальный вес.

– Да конечно, конечно, – согласился он примирительно. – У тебя большие кости. Ты, наверное, с легкостью мог бы носить на себе еще тридцать фунтов веса, и никто, я тебя уверяю, не заметил бы этого. Я бы, например, не заметил.

Но его ехидная усмешка ясно давала понять, что он продолжает издеваться надо мной. Затем он спросил, как мое здоровье вообще, и я начал рассказывать о своем здоровье, отчаянно пытаясь предотвратить любые дальнейшие комментарии по поводу моего веса. Но дон Хуан сам сменил тему.

– А как поживают твои странности и причуды? – спросил он вдруг со смертельной серьезностью.

Чувствуя себя последним идиотом, я ответил, что с ними все в порядке. «Странностями и причудами» он именовал мой интерес к собирательству. В то время я как раз с новым пылом предавался своей старой страсти – коллекционированию всего, что только можно коллекционировать. Я собирал журналы, марки, пластинки, реликвии Второй мировой – штыки, каски, флаги и тому подобное.

– Насчет моих причуд, дон Хуан, могу тебе сказать только одно: я пытаюсь распродать свои коллекции, – сказал я с видом мученика, которого заставляют сделать что-то совершенно невыносимое.

– Быть коллекционером не столь уж плохая идея, – ответил дон Хуан с таким видом, словно действительно так считал. – Все дело в том, что именно коллекционировать. Ты собираешь всякий мусор, никому не нужные предметы, которые поработают тебя так же сильно, как и твоя любимая собака. Ты не можешь просто так взять и уехать по своим нуждам, если у тебя есть собака, за которой ты должен ухаживать, или коллекции, о которых ты будешь постоянно беспокоиться.

– Я на самом деле ищу покупателей, дон Хуан, честное слово, – запротестовал я.

– Нет-нет, не думай, что я тебя в чем-то обвиняю, – ответил он. – Наоборот, мне нравится твой дух коллекционера. Мне просто не нравятся твои коллекции, вот и все. Я бы предложил тебе коллекционировать кое-что действительно стоящее.

Дон Хуан сделал долгую паузу. Казалось, он то ли подыскивает нужные слова, то ли драматически разыгрывает хорошо скрываемое сомнение. Он взглянул на меня глубоким, пронзительным взглядом.

– Каждый воин должен собрать особый альбом, – заговорил он наконец, – альбом, раскрывающий его личность; альбом, который фиксирует обстоятельства его жизни.

– Почему ты называешь это коллекцией, дон Хуан? – заспорил я. – И этот альбом, зачем он?

– Это именно коллекция, – отрезал дон Хуан. – И больше всего это похоже на альбом с фотографиями, сделанными с памяти, фотографиями *вспоминания* памятных событий.

– Эти «памятные события» памятны в каком-то особом смысле? – спросил я.

– Они таковы, потому что обладают особым значением в твоей жизни, – сказал дон Хуан. – Я предлагаю тебе собрать такой альбом, поместив в него полный отчет о различных событиях, которые имели для тебя особое значение.

– Каждое событие в моей жизни имело для меня особое значение, дон Хуан! – заявил я убежденно и тут же почувствовал неловкость от того, как высокопарно это прозвучало.

– Не каждое, – ответил он, улыбаясь и явно наслаждаясь моей реакцией. – Далеко не все события в твоей жизни имели для тебя такое уж большое значение. Было несколько таких, которые, мне кажется, изменили кое-что для тебя, осветили твой путь. Обычно события, которые изменяют наш путь, являются одновременно и безличными, и глубоко личными.

– Я не стараюсь казаться сложнее, чем я есть, дон Хуан, но, поверь мне, все, что со мной происходило, соответствует этим параметрам, – сказал я, прекрасно зная, что лгу.

Сразу же после того, как я сделал это заявление, мне захотелось извиниться, но дон Хуан просто не обратил на него никакого внимания.

– Не относись к этому альбому как к мешанине из банальных переживаний твоей жизни, – продолжал он как ни в чем не бывало.

Я глубоко вздохнул, закрыл глаза и попытался успокоиться. Снова и снова я сталкивался с одной и той же неразрешимой проблемой: мне совершенно не нравились эти мои визиты к дону Хуану. В его присутствии я постоянно чувствовал какую-то угрозу. Он постоянно придирался ко мне и не оставлял никакой возможности показать мои сильные стороны. Мне надоело терять лицо всякий раз, как я открываю рот; мне надоело чувствовать себя дураком.

Но где-то внутри меня прозвучал и другой голос, донесшийся из самых глубин, далекий, почти неслышимый. В пылу своего внутреннего диалога я услышал, как кто-то сказал, что мне уже слишком поздно поворачивать назад. Это на самом деле был не мой голос и не мои мысли; кто-то неведомый говорил, что я зашел слишком далеко в мир дона Хуана и теперь он нужен мне больше, чем воздух.

Говори что хочешь, – казалось, шептал мне этот голос, – но, не будь ты таким эгоистичным, ты бы так сильно не расстраивался.

– Это голос твоего другого сознания, – произнес дон Хуан, словно читая мои мысли.

Мое тело непроизвольно подпрыгнуло. Мой страх был так велик, что на глаза навернулись слезы. Я, как на исповеди, рассказал дону Хуану о том, что меня беспокоило.

– Твой конфликт вполне естествен, – сказал он, – и, поверь мне, я не стараюсь его обострить. Мне это не свойственно. Но я могу рассказать тебе несколько историй о том, как мой учитель, нагваль Хулиан, проделывал это со мной. Я ненавидел его всем своим существом. Я был очень молод, и я видел, как его обожали женщины. Они просто преклонялись перед ним, а когда я пытался просто поздороваться с ними, они набрасывались на меня, как львицы, готовые загрызть. Меня они смертельно ненавидели, а его – любили. Каково, по-твоему, мне было?

– И как ты справился с этим конфликтом, дон Хуан? – спросил я с неподдельным интересом.

– Ни с чем я не справился, – заявил он. – Этот конфликт был результатом сражения между двумя моими сознаниями. У каждого из нас, людей, есть два сознания. Одно полностью наше и похоже на тихий голос, который всегда несет в себе мир, порядок, смысл. Другое сознание – это нечто *встроенное извне*. Оно приносит нам конфликты, внутренние споры, сомнения, чувство безнадежности.

Я был так поглощен своими собственными ментальными процессами, что совершенно не уловил сказанного доном Хуаном. Пожалуй, я мог бы в точности воспроизвести его слова, но они не имели для меня никакого смысла. Дон Хуан спокойно, глядя мне прямо в глаза, повторил все то, что он только что сказал. И снова я не смог понять смысла его слов. Мое внимание не фокусировалось.

– Не пойму, в чем тут дело, дон Хуан, но я не могу сосредоточиться на том, что ты мне говоришь, – неохотно признался я.

– А вот я очень хорошо понимаю, почему ты не можешь, – сказал он, широко улыбаясь. – Поймешь когда-нибудь и ты, сразу же, как только разберешься: нравлюсь я тебе или нет. В тот самый день, когда ты перестанешь быть центром мира – я-я-я. Ну а пока что давай отложим вопрос о наших двух сознаниях и вернемся к идее твоего альбома памятных событий. Я

должен добавить, что составление такого альбома – это упражнение на дисциплину и беспристрастность. Можешь также считать его сценой битвы.

Утверждение дон Хуана – о том, что конфликт моей любви и нелюбви к нему закончится, как только я откажусь от своего эгоцентризма, – для меня ничего не значило. Собственно, оно лишь еще больше расстроило и разозлило меня. И когда дон Хуан сказал об альбоме как о сцене битвы, я набросился на него со всем накопившимся ядом.

– Уже самую идею коллекции событий трудно понять, – заявил я протестующим тоном, – но то, что ты называешь ее «альбомом», который к тому же является «сценой битвы», – это уж слишком. Слишком туманно. Твои метафоры лишены всякого смысла.

– Странно! По мне, так как раз наоборот, – спокойно ответил дон Хуан. – Для меня в том, что такой альбом является сценой битвы, содержится бездна смысла. Я бы не хотел, чтобы мой альбом памятных событий был чем-нибудь другим, кроме сцены битвы.

Я хотел продолжать отстаивать свою точку зрения, собираясь объяснить ему, что понимаю идею альбома памятных событий. Я возражал лишь против того, что дон Хуан так запутанно ее излагает. В то время я считал себя сторонником ясности и функциональности в использовании языка. Дон Хуан воздержался от комментариев по поводу моего воинственного настроения. Он лишь покивал головой, как бы полностью соглашаясь со мной. И тут произошло что-то непонятное.

Не то у меня совершенно иссякла энергия, не то, наоборот, гигантская волна энергии подхватила меня. Совершенно неожиданно, помимо воли я осознал бессмысленность своих протестов. Мне стало стыдно.

– Что заставляет меня вести себя именно так? – честно спросил я дон Хуана.

Моему смущению не было предела. Потрясение было так велико, что у меня вдруг потекли слезы.

– Не беспокойся о глупых мелочах, – сказал дон Хуан успокаивающе. – Все мы такие, и мужчины, и женщины.

– Ты имеешь в виду, дон Хуан, что мы по природе мелочны и противоречивы?

– Нет, мы не мелочны и не противоречивы, – ответил он. – Наша мелочность и противоречивость – это скорее результат трансцендентального конфликта, под влиянием которого мы все находимся. Но только маги болезненно и безнадежно осознают его. Это конфликт двух сознаний.

Дон Хуан сверлил меня взглядом; его глаза были как два черных уголька.

– Ты все время говоришь мне об этих двух сознаниях, – сказал я, – но мой мозг не может усвоить то, что ты говоришь. Почему?

– В свое время ты поймешь почему, – ответил он. – А пока достаточно будет, если я еще раз повторю тебе то, что уже говорил о двух сознаниях. Одно из них – наше истинное сознание, продукт всего нашего жизненного опыта; то сознание, которое редко говорит, потому что оно побеждено и подавлено до полного затмения. Другое сознание, которое мы используем ежедневно во всем, что мы делаем, встроено в нас извне.

– По-моему, сама концепция сознания как «чужеродного устройства» настолько дикая, что мой ум отказывается принимать ее всерьез, – сказал я и почувствовал, что совершил настоящее открытие.

Дон Хуан как будто не слышал моих слов. Он продолжал объяснять свою идею двух сознаний.

– Чтобы разрешить конфликт двух сознаний, нужно *намереваться* сделать это, – сказал он. – Маги призывают *намерение*, произнося слово «намерение» вслух, громко и ясно. *Намерение* – это сила, существующая во Вселенной. Когда маги призывают *намерение*, оно приходит к ним и прокладывает путь для достижения цели. Это значит, что маги всегда выполняют то, что они решают сделать.

– Ты имеешь в виду, дон Хуан, что маги получают все что хотят, даже если это нечто мелкое, обычное и произвольное? – спросил я.

– Нет, я вовсе не это имею в виду. *Намерение*, конечно, можно призывать для чего угодно, – ответил он, – но маги дорогой ценой выяснили, что *намерение* приходит к ним лишь для чего-то абстрактного. Это «предохранительный клапан магов»; иначе они были бы просто невыносимы. В твоём случае призывать *намерение*, чтобы разрешить конфликт двух твоих сознаний или чтобы услышать голос твоего истинного сознания, – это отнюдь не мелкое, произвольное или обычное дело. Наоборот, это высокая и абстрактная задача, и она жизненно важна для тебя!

Дон Хуан сделал небольшую паузу и снова заговорил об альбоме.

– Мой собственный альбом, будучи сценой битвы, требовал сверхзаботливого подхода к отбору материала, – сказал он. – И сейчас он представляет собой полное собрание забываемых моментов моей жизни и всего того, что подводило меня к ним. Я сконцентрировал в своем альбоме все, что было и будет иметь для меня значение. Я считаю, что альбом воина должен быть максимально конкретным и ошеломляюще точным.

Я пока не улавливал, чего хочет дон Хуан от меня, но слова его стал понимать очень хорошо. Он посоветовал, чтобы я сел в одиночестве и позволил мыслям и воспоминаниям свободно приходить ко мне. Мне нужно было попытаться позволить голосу из глубины говорить со мной и подсказать мне, что именно нужно выбрать. После этого я должен был уйти в дом и лечь на кровать. Мое ложе в доме дона Хуана было сделано из деревянных ящиков, а матрасом служило несколько дюжин пустых джутовых мешков. Хотя все мое тело и болело с непривычки после сна на такой постели, на самом деле она была очень удобной. Я принял его предложение близко к сердцу и начал думать о прошлом, припоминая события, которые оставили след в моей жизни. Вскоре я понял, как глупо было заявлять, что все события моей жизни были в равной степени важными. Пытаясь заставить себя вспоминать, я обнаружил, что не знаю даже, с чего начать. Через мое сознание текли бесконечные несвязные мысли и воспоминания о разных случавшихся со мной событиях, но я никак не мог решить, насколько они для меня важны. Создавалось даже впечатление, что вообще все было не слишком важным. Похоже было на то, что я прошел сквозь жизнь, как труп, – ходячий и говорящий, но абсолютно ничего не чувствующий. К тому же мне было все труднее концентрироваться на предмете своих размышлений, а потому я вскоре оставил все это и заснул.

– Что-нибудь получилось? – спросил меня дон Хуан, когда я проснулся через несколько часов.

После сна и отдыха мне не стало легче. Я по-прежнему чувствовал раздражение и потому рывкнул:

– Нет у меня никакого успеха!

– Ты слышал этот голос из глубины?

– Кажется, да, – соврал я.

– И что он тебе сказал? – спросил он настойчиво.

– Я не могу думать об этом, дон Хуан, – выдавил я из себя.

– Ага, ты уже вернулся в свое обычное осознание, – заметил он и сильно похлопал меня по спине. – Твое обычное сознание снова победило. Давай расслабим его, поговорив о твоей коллекции памятных событий. Я должен сказать тебе, что отбор событий для альбома – дело непростое. Вот почему я утверждаю, что этот альбом – сцена битвы. Тебе придется десять раз переделать себя, чтобы узнать, что именно выбирать.

И тут, пусть только на секунду, я вдруг ясно понял, что у меня действительно два сознания; но эта мысль лишь слегка скользнула по поверхности моего ума и сразу же исчезла. Осталось лишь ощущение неспособности выполнить требования дона Хуана. И вместо того чтобы снисходительно принять свою несостоятельность, я позволил ей испугать меня. Глав-

ным устремлением моей жизни в то время было всегда являться в хорошем свете. Потерпеть неудачу, проиграть – для меня это было нестерпимо. Не зная, как справиться с той задачей, которую ставил передо мной дон Хуан, я сделал то, что только и умел делать хорошо: разозлился.

– Мне надо еще многое обдумать относительно этого, дон Хуан, – сказал я. – Моему уму нужно дать какое-то время, чтобы он свыкся с этой идеей.

– Конечно, конечно, – успокоил меня дон Хуан. – Можешь ждать хоть всю жизнь, но все-таки поторопись.

В тот раз на эту тему больше ничего не было сказано. Вернувшись домой, я совершенно забыл обо всем этом. И вдруг однажды, сидя на какой-то лекции, я услышал внутренний властный приказ: искать памятные события своей жизни. «Услышал» – не совсем подходящее слово; это скорее было похоже на удар током или нервный спазм, который потряс все мое тело – от макушки до пят.

Я взялся за дело всерьез. Мне потребовалось несколько месяцев, чтобы перевернуть все переживания моей жизни, которые, по моему мнению, были важными. Но, осмотрев свою коллекцию, я понял, что имел дело лишь с идеями, не имевшими абсолютно никакой реальной значимости. Вспоминаемые мною события были не более чем абстрактными точками во времени. У меня возникло чрезвычайно неприятное ощущение, что я пришел в мир только для того, чтобы действовать, не позволяя себе останавливаться и хоть что-то почувствовать.

Одним из забытых событий, которые я непременно хотел вспомнить, был день моего зачисления в аспирантуру Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (UCLA). Но, как ни старался, я не мог вспомнить, что я делал в тот день. С ним не было связано ничего интересного, ничего особенного – вообще ничего, кроме самой мысли, что этот день *должен* быть памятным. Поступив в аспирантуру, я *должен был* радоваться и гордиться, но этого не было!

Другим экспонатом моей коллекции был тот день, когда я чуть не обвенчался с Кэй Кондор. Вообще-то у нее была другая фамилия, но она изменила ее на Кондор, потому что хотела стать актрисой. Ее козырной картой было внешнее сходство с Кэрол Ломбард. Тот день был памятным в моем сознании не столько из-за происходивших событий, сколько потому, что она была красива и хотела выйти за меня замуж. Она была на голову выше меня, что делало ее еще интереснее в моих глазах.

Меня волновала мысль о венчании в церкви с высокой женщиной. Я взял напрокат серый смокинг. Брюки были широковаты для моего роста. Не то чтобы висели колоколами, но были широковаты, и это очень меня беспокоило. Кроме брюк, меня раздражало то, что рукава розовой рубашки, которую я купил специально для этого случая, были на три дюйма длиннее, чем следовало; мне пришлось воспользоваться резиновыми держателями, чтобы подтянуть их повыше. А так вообще все шло прекрасно – до того момента, когда гости и я узнали, что Кэй Кондор передумала и не собирается приходить на свадьбу.

Будучи очень порядочной молодой леди, она прислала мне через мотокурьера записку с извинениями. В записке было сказано, что она, не приемля развода, не может связать свою судьбу с человеком, который не разделяет ее взглядов на жизнь. Она напомнила мне, что я всегда хихикал, произнося фамилию «Кондор», а это было знаком полного неуважения к ее личности. Она обсудила эту проблему со своей матерью. Обе они очень любят меня, но не настолько, чтобы принять в свою семью. Заканчивалась записка тем, что мы должны набраться смелости и мудрости и расстаться навсегда.

Состояние моего ума можно было охарактеризовать как «полное оцепенение». Пытаясь вспомнить тот день, я не мог понять, то ли я испытывал чудовищное унижение, оказавшись дурак дураком перед толпой людей в своем взятом напрокат сером смокинге и слишком широких штанах, то ли был сокрушен тем, что Кэй Кондор не выходит за меня замуж.

Это были единственные два события, которые я мог четко выделить. Примеры довольно жалкие, но, покопавшись, мне удалось найти в них некий философский смысл. Мне показалось, что я похож на человека, который идет сквозь жизнь без единого подлинного чувства, измеряя все лишь интеллектуальной меркой. Подражая стилю дона Хуана, я придумал себе такое определение: «человек, проживающий свою жизнь косвенно, в терминах “как это должно быть”».

Я был уверен, например, что день моего поступления в аспирантуру UCLA должен быть памятным днем. Поскольку памятным он не был, я постарался искусственно наделить его значимостью, которой на самом деле не ощущал. То же можно сказать и о дне, когда я чуть не женился на Кэй Кондор. Кажется, это должно было стать для меня опустошительным переживанием, но не стало. В момент *вспоминания* этого события я понял, что в нем ничего нет, и сразу же начал усердно воссоздавать то, что я должен был чувствовать.

Приехав к дому дона Хуана, я представил ему свои два примера памятных событий.

– Это все чепуха, – заявил дон Хуан. – Никуда не годится. Такие истории связаны исключительно с тобой как с личностью, которая думает, чувствует, плачет или вообще ничего не чувствует. Памятные же события из альбома мага – это события, которые могут выдержать испытание временем, ибо они не имеют ничего общего с человеком, хотя человек и находится в самой их гуще. Он всегда будет в гуще событий, всю свою жизнь, а возможно и потом, но не вполне персонально.

Его слова привели меня в полное уныние. В то время я искренне считал дона Хуана вредным старикашкой, который получает особое удовольствие от того, что выставляет меня полным идиотом. Он напоминал мне преподавателя скульптуры из художественной школы, которую я когда-то посещал. Этот мастер обязательно подвергал критике все, что делали ученики, и в каждой работе находил изъяны. Затем он требовал, чтобы работы были исправлены соответственно его указаниям. Ученики отходили и делали вид, что подправляют что-то в своих скульптурах. Я вспоминал, каким самодовольством веяло от мастера, когда, осматривая якобы переделанные работы, он приговаривал: «Ну вот, теперь совсем другое дело!»

– Не унывай, – сказал дон Хуан, прерывая мои воспоминания. – В свое время я тоже через это прошел. Многие годы я не просто не знал, что выбрать, но думал, будто у меня просто нет переживаний, из которых можно выбирать. Мне казалось, что со мной вообще никогда ничего не происходило. Конечно же, происходили очень важные события, но, пока я старался защитить идею самого себя, у меня не было ни времени, ни расположения что-то замечать.

– Ты можешь конкретно сказать мне, дон Хуан, что не так с моими историями? Я знаю, что они – ничто, но остальная моя жизнь точно такая же.

– Я повторю тебе еще раз, – сказал он. – Истории из альбома воина – не индивидуальные. Твоя история о том дне, когда тебя приняли в аспирантуру, – это не что иное, как твоя претензия на то, что ты – центр всего. Ты чувствуешь, ты не чувствуешь. Ты осознаешь, ты не осознаешь. Понимаешь, что я имею в виду? Вся эта история – это ты сам!

– Но может ли быть иначе, дон Хуан? – спросил я.

– В другой истории ты уже почти коснулся того, о чем я говорил, но снова превратил это в нечто в высшей степени персональное. Я знаю, что ты мог бы добавить еще больше деталей, но все эти детали были бы просто продолжением твоей персоны.

– Я на самом деле не могу понять, о чем ты, дон Хуан, – возразил я. – Любая история, увиденная глазами свидетеля, по определению должна быть персональной.

– Да-да, конечно, – сказал он с улыбкой, как всегда, наслаждаясь моим смущением. – Но тогда это история не для альбома воина, а для какой-то другой цели. Памятные события, которые мы ищем, несут на себе темное касание беспристрастности. Они пропитаны ею. Я не знаю, как еще объяснить это.

В этот момент меня как будто озарило, и я понял, что он имел в виду под «темным касанием беспристрастности». Мне показалось, что он имел в виду нечто зловещее. Зловещее значение для меня имела темнота. Я тут же рассказал дону Хуану историю из моего детства.

Один из моих старших кузенов был интерном в медицинской школе. Однажды он привел меня в морг, убедив предварительно, что молодому человеку совершенно необходимо увидеть мертвецов; это зрелище очень поучительно, ибо демонстрирует бренность жизни. Он снова и снова приставал ко мне, уговаривая сходить в морг. Чем больше он рассказывал о том, какими незначительными становимся мы после смерти, тем более возрастало мое любопытство. Мне еще никогда не приходилось видеть труп. В конце концов любопытство победило, и я пошел с ним.

Он показал мне разные трупы, и ему удалось испугать меня до бесчувствия. Мне показалось, что в трупах нет ничего поучительного или просветляющего. Но они действительно были самым пугающим зрелищем, которое я когда-либо видел. Брат все время поглядывал на часы, словно кого-то ждал. Он явно хотел продержать меня в морге дольше, чем позволяли мои силы. Будучи по натуре честолюбивым, я был уверен, что он испытывает мою выдержку, мое мужество. Стиснув зубы, я поклялся себе терпеть до самого конца.

Но такой конец мне не снился и в кошмарном сне. На моих глазах один труп, накрытый простыней, вдруг пошевелился на мраморном столе, как будто собирался встать. Он издал мощный рыгающий звук, который прожег меня насквозь. Он останется в моей памяти до конца жизни. Позже двоюродный брат, ученый-медик, объяснил мне, что это был труп человека, умершего от туберкулеза. У таких трупов все легкие изъедены бациллами и остаются огромные дыры, заполненные воздухом. Когда температура воздуха изменяется, это иногда заставляет тело изгибаться, словно оно пытается встать, что и произошло в данном случае.

– Нет, это еще не то, – сказал дон Хуан, качая головой из стороны в сторону. – Это просто история о твоём страхе. Я бы и сам испугался до смерти, но такой страх никому не освещает путь. Впрочем, мне было бы интересно узнать, что случилось с тобой дальше.

– Я завопил, как баньши², – сказал я, – а мой брат назвал меня трусом и сопляком, который от страха чуть не обделался.

Я явно зацепил какой-то темный слой своей жизни. Следующий случай, который я вспомнил, был связан с шестнадцатилетним парнем из нашей школы, который страдал каким-то расстройством желез и имел гигантский рост. Но его сердце не успевало расти вместе с остальным телом, и однажды он умер от сердечного приступа. Из какого-то нездорового юношеского любопытства мы с одним товарищем пошли посмотреть, как его будут укладывать в гроб. Похоронных дел мастер, который, пожалуй, был еще более патологичен, чем мы, впустил нас в свою каморку и продемонстрировал свой шедевр. Он уместил огромного парня, рост которого превышал семь футов и семь дюймов, в гроб для обычного человека, отпилив ему ноги! Мастер показал нам, как он пристроил ноги в гробу – мертвый юноша обнимал их руками, словно трофеи.

Ужас, который я тогда пережил, был по силе сравним с тем, что я испытал в детстве при посещении морга, но этот новый страх был не физической реакцией, а психологическим переворотом.

– Уже ближе, – сказал дон Хуан, – но и эта история еще слишком личная. Она отвратительна. Меня от нее тошнит, но в ней я вижу большой потенциал.

Мы с доном Хуаном посмеялись над тем, какой ужас содержится в ситуациях повседневной жизни. К этому времени я уже окончательно погрузился в самые мрачные воспоминания и рассказал дону Хуану о моем лучшем друге, Рое Голдписсе. Вообще-то у него была польская

² Баньши (ирл., шотл.) – привидение, завывания которого под окнами дома предвещают обитателю этого дома смерть. – Прим. ред.

фамилия, но друзья дали ему прозвище Голдписс, потому что, чего бы он ни коснулся, все превращалось в золото; он был прирожденным бизнесменом. Но талант к бизнесу превратил его в сверхамбициозного человека. Он хотел стать первым богачом мира. Оказалось же, что конкуренция на этом поприще слишком жесткая. Голдписс жаловался, что, делая свой бизнес в одиночку, он не мог тягаться с лидером некоей исламской секты, которому каждый год жертвовали столько золота, сколько он сам весил. Перед взвешиванием этот лидер секты старался съесть и выпить столько, сколько позволял его желудок.

Итак, мой друг Рой немного опустил планку и решил стать самым богатым человеком в Соединенных Штатах. Но и на этом уровне конкуренция была просто бешеная. Он спустился еще ниже: уж в Калифорнии-то он сможет стать самым богатым человеком. Однако и тут он опоздал. И он отказался от мысли, что со своей сетью киосков, торгующих пиццей и мороженым, он сможет соперничать с уважаемыми семьями, которые владеют Калифорнией. Он настроился на то, чтобы быть первым воротилой в Вудленд-Хилс, его родном пригороде Лос-Анджелеса. Но, к несчастью для него, на одной с ним улице жил мистер Марш, владевший фабриками по производству лучших в Америке матрасов, невообразимый богач. Разочарованию Роя не было пределов. Он так страдал, что в конце концов просто утробил свое здоровье. Однажды он умер от аневризмы мозга.

Его смерть стала причиной моего третьего визита в покойницкую. Жена Роя попросила меня, его лучшего друга, позаботиться о том, чтобы труп был должным образом обряжен. Я отправился в погребальную контору, а там секретарь провел меня во внутреннее помещение. Когда я вошел, мастер как раз хлопотал вокруг своего высокого мраморного стола. Он с силой толкал двумя пальцами вверх уголки уже застывшего рта покойника. Когда наконец на мертвом лице Роя появилась гротескная улыбка, мастер повернулся ко мне и сказал подобострастно:

– Надеюсь, вы будете довольны, сэр.

Жена Роя – мы уже никогда не узнаем, любила она его или нет, – решила похоронить его со всей пышностью, какой он заслуживал. Она заказала очень дорогой гроб, похожий на телефонную будку; фасон она позаимствовала из кинофильма. Роя должны были похоронить в сидячем положении, как будто он ведет деловые переговоры по телефону.

Я не остался на похороны. Уехал с очень тяжелым чувством, смесью бессилия и злости – такой злости, которую не изолишь ни на кого.

– Да, сегодня ты действительно мрачен, как никогда, – заметил дон Хуан, смеясь, – но, несмотря на это, – а может, и благодаря этому, – ты почти у цели. Уже подошел вплотную.

Я не уставал удивляться тому, как менялось мое настроение при каждой встрече с доном Хуаном. Приезжал я расстроенный, брюзжащий и мнительный. Но через некоторое время мое настроение чудесным образом менялось, я становился все более экспансивным, а затем вдруг успокаивался – таким спокойным я никогда не бывал в повседневной жизни. Мое новое настроение отражалось и на моей речи. Обычно я говорил как глубоко неудовлетворенный человек, хотя и сдерживающийся, чтобы не начать жаловаться вслух, но жалобным был уже сам голос.

– А ты можешь привести мне пример памятного события из своего альбома, дон Хуан? – спросил я в привычном тоне скрытой жалобы. – Если бы я знал, что тебе нужно, мне было бы легче. Пока что я просто блуждаю в потемках.

– Не объясняй слишком много, – сказал дон Хуан, сурово взглянув на меня. – Маги говорят, что в каждом объяснении скрывается извинение. Так что, когда ты объясняешь, почему ты не можешь делать то или другое, на самом деле ты извиняешься за свои недостатки, надеясь, что слушающие тебя будут добры и простят их.

Когда на меня нападают, мой любимый защитный маневр – демонстративно не слушать нападающего. У дон Хуана, однако, была отвратительная способность захватывать все мое внимание без остатка. Атакуя меня, он всегда умудрялся заставить меня слушать каждое его

слово. Вот и сейчас пришлось выслушать все, что он сказал обо мне. И, хотя его слова не доставили мне ни малейшего удовольствия, это была чистая правда.

Я избегал его глаз. Как обычно, я чувствовал себя под угрозой, но на этот раз угроза была особенной. Она не беспокоила меня так сильно, как беспокоила бы в повседневной жизни или сразу после моего появления в доме дона Хуана.

После долгого молчания дон Хуан снова заговорил.

– Я не буду приводить тебе пример памятного события из моего альбома, – сказал он. – Я сделаю лучше: назову тебе памятное событие из твоей собственной жизни; оно, несомненно, подойдет для твоей коллекции. Или, скажем так, на твоём месте я бы обязательно поместил его в свою коллекцию памятных событий.

Я подумал, что дон Хуан шутит, и глупо засмеялся.

– Тут не над чем смеяться, – отрезал он. – Я говорю серьезно. Когда-то ты рассказал мне историю, которая попадает в самую точку.

– Что это за история, дон Хуан?

– О фигурах перед зеркалом, – сказал он. – Расскажи-ка мне ее еще раз. Но расскажи со всеми подробностями, какие сможешь вспомнить.

Я начал кратко пересказывать эту старую историю. Дон Хуан остановил меня и потребовал тщательного, подробного изложения с самого начала. Я попробовал еще раз, но краткость моего пересказа не устраивала его.

– Давай прогуляемся, – предложил он. – Когда ты идешь, ты можешь быть гораздо точнее, чем когда сидишь. Это весьма неглупая идея – прохаживаться туда-сюда, когда что-то рассказываешь.

Мы сидели, как и всегда днем, под навесом его рамады. У меня уже сложилась привычка сидеть на определенном месте, прислонившись спиной к стене. Дон Хуан садился каждый раз на другом месте.

Мы вышли на прогулку в худшее время дня: в полдень. Дон Хуан снабдил меня старой соломенной шляпой, как всегда, когда мы выходили на солнцепек. Долгое время мы шли в полном молчании. Я изо всех сил старался вспомнить все подробности своей истории. Было уже около трех часов, когда мы сели в тени кустов, и я наконец рассказал дону Хуану эту историю.

Когда я много лет назад изучал скульптуру в школе изящных искусств в Италии, у меня был друг-шотландец, который учился на искусствоведа. Самой характерной его чертой было потрясающее самомнение; он считал себя самым одаренным, сильным, неутомимым ученым и художником, ну просто деятелем эпохи Возрождения. Одаренным он действительно был, но творческая мощь как-то совершенно не вязалась с его костлявой, сухой, унылой фигурой. Он был усердным почитателем английского философа Бертрانا Рассела и мечтал применить принципы логического позитивизма к искусствоведению. Его воображаемая неутомимость была, пожалуй, его самой нелепой фантазией, ибо на самом деле он обожал тянуть резину; работа для него была каторгой.

Фактически, он был великим специалистом не по искусствоведению, а по проституткам из местных борделей, которых он знал множество. О своих похождениях он давал мне яркие и подробные отчеты – по его словам, чтобы держать меня в курсе чудесных событий, происходящих в мире его специальности. Поэтому я не удивился, когда однажды он ввалился в мою комнату крайне возбужденный, запыхавшийся и сказал мне, что с ним произошло нечто чрезвычайное и он хотел бы поделиться со мной.

– Слушай, старина, ты должен сам это увидеть! – заявил он возбужденно, с оксфордским акцентом, который у него всегда проявлялся при общении со мной. Он нервно зашагал по комнате. – Это трудно описать, но я знаю: это нечто такое, что ты сможешь оценить. Нечто

такое, что ты запомнишь надолго. Я хочу преподнести тебе замечательный подарок на всю жизнь. Понимаешь?

Я понимал, что он был истеричным шотландцем. Я всегда посмеивался над ним и следил за его приключениями. И ни разу не пожалел об этом.

– Успокойся, успокойся, Эдди, – сказал я. – Что ты хочешь мне рассказать?

Он сообщил, что только что был в борделе и познакомился там с невероятной женщиной, умеющей делать невообразимую штуку, которую она называет «фигурами перед зеркалом». Он снова и снова убеждал меня, что я просто обязан пережить это невероятное событие на собственном опыте.

– Слушай, не думай о деньгах! – сказал он, зная, что денег у меня нет. – Все уже оплачено. Все, что от тебя требуется, – это пойти со мной. Мадам Людмила покажет тебе свои фигуры перед зеркалом. Это просто ураган!

В припадке безудержного восторга Эдди залился смехом, обнажив свои плохие зубы, которые он обычно прятал.

– Слушай, это фантастика, это абсолютно грандиозно!

Мое любопытство разгоралось с каждой минутой. Я был готов принять участие в его новом развлечении. Вскоре Эдди уже вез меня на своей машине к окраине города. Он остановился перед пыльным, неухоженным, облупленным зданием. Когда-то, похоже, это был отель, а затем его переделали в многоквартирный дом. По всему фасаду тянулись ряды грязных балконов, уставленных цветочными горшками и обвешенных сохнувшими коврами.

У подъезда стояли две темные, подозрительного вида фигуры, обменявшиеся с Эдди бурными приветствиями. У них были черные бегающие глаза и туфли с острыми носками – как мне показалось, чересчур тесные. Одеты они были в блестящие голубые костюмы, тоже слишком тесные для их мясистых тел. Один из этих людей открыл перед Эдди дверь. На меня они даже и не взглянули.

Мы поднялись на два пролета по обветшавшей лестнице, которая когда-то была роскошной. Эдди уверенно шел по пустому гостиничному коридору с дверьми на обе стороны. Все двери были окрашены в одинаковый темный оливково-зеленый цвет. На каждой двери был латунный номер, потемневший от времени и почти неразличимый на крашеном дереве.

Наконец Эдди остановился перед одной из дверей. Я запомнил номер: 112. Эдди несколько раз постучал. Дверь открылась, и круглая, низкорослая крашеная блондинка молча, жестом пригласила нас войти. На ней был красный шелковый халат с какими-то разлетающимися перьями на рукавах и шлепанцы с меховыми помпонами. Когда мы вошли в маленькую прихожую, женщина поздоровалась с Эдди по-английски, с сильным акцентом.

– Привет, Эдди. Привел друга, э?

Эдди пожал ей руку, а затем галантно поцеловал ее. Он держал себя так, словно был совершенно спокоен, но по некоторым его бессознательным жестам я заметил, что он сильно нервничает.

– Как дела сегодня, мадам Людмила? – спросил он, стараясь произносить звуки как американец и смазывая их.

Я так и не понял, почему Эдди в домах терпимости всегда изображал из себя американца. Подозреваю, из-за того, что американцев считают богачами, а Эдди стремился утвердиться в этой среде.

Он повернулся ко мне и произнес с нарочитым американским акцентом:

– Оставляю тебя в хороших руках, малыш.

Это прозвучало так высокопарно и странно для моего слуха, что я громко рассмеялся. Мадам Людмила на мой взрыв веселья никак не отреагировала. Эдди еще раз поцеловал ей руку и вышел.

– Говоришь английски, мой мальшик? – заорала мадам, словно подозревала во мне глухого. – Ты похож ехиптянин, или нет, турок.

Я заверил мадам Людмиллу, что я ни то, ни другое и что я говорю по-английски. Тогда она спросила, нравятся ли мне фигуры перед зеркалом. Я не знал, что сказать, и лишь кивнул головой.

– Я даю тебе хорошее шоу, – заверила меня она. – Фигуры перед зеркалом – это только начало. Когда ты станешь горячий и готовый, скажи мне остановиться.

Из маленькой прихожей мы прошли в темную комнату. Окна были плотно завешены. На стенах – несколько светильников с тусклыми лампочками. Лампочки имели форму трубок и торчали из стен под прямым углом. В комнате было много разных предметов: какие-то ящики от комода, старинные столики и стулья, письменный стол у стены, заваленный бумагой, карандашами, линейками и по меньшей мере дюжиной разных ножниц. Мадам Людмила заставила меня сесть на старый мягкий стул.

– Кровать в той комнате, дорогой, – сказала она, указывая куда-то в другой конец комнаты. – А здесь моя *антизала*. Здесь я даю шоу, чтобы ты стал горячий и готовый.

Она сбросила красный халат, стряхнула с ног тапочки и распахнула створки двух высоких трюмо, стоявших рядом у стены. Образовалась большая зеркальная поверхность.

– А теперь музыка, мой мальчик, – сказала мадам Людмила и завела допотопную виктролу, которая, однако, сияла как новенькая. Заиграла пластинка. Мелодия была какая-то разухабистая, напоминавшая цирковой марш.

– А теперь шоу, – и она начала кружиться под аккомпанемент цирковой музыки. Кожа у мадам Людмиллы была очень плотная и чрезвычайно белая, хотя она была уже немолода. Должно быть, ей было под пятьдесят. Ее живот уже чуть обвис, как и объемистые груди. У нее был небольшой нос и ярко накрашенные красные губы. Она использовала густую черную тушь для ресниц. В общем, это был хрестоматийный образец стареющей проститутки. Но было в ней и что-то детское, по-девичьи непосредственное и трогательное.

– А теперь – фигуры перед зеркалом, – объявила мадам Людмила. Музыка продолжала греметь.

– Нога, нога, нога, – говорила она, выбрасывая ноги вперед и вверх – сначала одну, потом другую, в такт музыке. Правую руку она положила на макушку, словно маленькая девочка, которая не уверена, что сможет выполнить сложное движение.

– Поворот, поворот, поворот, – пропела она, вращаясь, как волчок.

– Зад, зад, зад, – сказала она, показывая мне свою голую заднюю часть, как это делают в канкане.

Эту последовательность она повторяла снова и снова, пока музыка не начала затихать. Пружина виктролы разматывалась. У меня появилось ощущение, что мадам Людмила уходит куда-то вдаль, становясь все меньше по мере того, как затихала музыка. Какое-то отчаяние и одиночество – я и не знал, что такие чувства живут во мне, – вырвались из самых глубин моего существа на поверхность и заставили меня вскочить и выбежать из комнаты. Как безумный, я скатился вниз по лестнице и вылетел из дома на улицу.

Эдди стоял у подъезда, беседуя с двумя мужчинами в блестящих голубых костюмах. Увидев, как я выбежал, он начал надрывно хохотать.

– Ну как, круто? – спросил он, по-прежнему стараясь говорить как американец. – «Фигуры перед зеркалом – это только начало». Какой класс! Какой класс!

Рассказывая эту историю дону Хуану в первый раз, я упомянул, что на меня произвели очень глубокое впечатление цирковая мелодия и старая проститутка, неуклюже кружащаяся под эту музыку. И еще мне было очень неприятно осознать, насколько бездушен мой друг.

Когда я закончил рассказывать об этом случае во второй раз – в этих сонорских предгорьях, – я весь дрожал. На меня загадочным образом воздействовало нечто совершенно неопределенное.

– Эта история, – сказал дон Хуан, – должна войти в твой альбом памятных событий. Твой друг, сам того не подозревая, дал тебе, как он правильно заметил, нечто такое, что останется с тобой на всю жизнь.

– Для меня это просто грустная история, дон Хуан, но и только, – заявил я.

– Она действительно грустна, как и другие твои истории, – ответил дон Хуан, – но она совсем другая, она может быть памятной для тебя, потому что затрагивает каждого из нас, людей, а не только тебя, в отличие от других твоих сказок. Видишь ли, как и мадам Людмила, мы все – старые и молодые – делаем свои «фигуры перед зеркалом», того или иного рода. Вспомни все, что ты знаешь о людях. Подумай о людях на этой Земле, и ты поймешь без тени сомнения: не важно, кто они или что бы они о себе ни думали, чем бы ни занимались, результат их действий всегда один и тот же: бессмысленные фигуры перед зеркалом.

Часть I

Трепет в воздухе

Глава 1

Путешествие силы

Когда я познакомился с доном Хуаном, я был довольно старательным студентом-антропологом и хотел начать свою антропологическую карьеру, публикуясь как можно чаще. Мне обязательно нужно было вскарабкаться вверх по академической лестнице, а для этого, по моим расчетам, не могло быть лучшего старта, чем собирание данных по использованию лекарственных растений индейцами Юго-Запада США.

Сначала я попросил одного профессора антропологии, работавшего в этой области, чтобы он что-нибудь посоветовал мне по поводу моего проекта. Он был выдающимся этнологом и опубликовал в конце тридцатых-начале сороковых годов много работ об индейцах Калифорнии и Соноры (Мексика). Он терпеливо выслушал мой план. Идея заключалась в том, чтобы написать статью, озаглавить ее «Этноботанические данные» и опубликовать в одном журнале, посвященном исключительно антропологическим проблемам Юго-Запада Соединенных Штатов.

Я предполагал собрать лекарственные растения, привезти их образцы в Ботанический сад Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, где точно определяют их виды, а затем описать, как и для чего индейцы Юго-Запада используют их. Я уже представлял себе тысячи гербарных листов. В туманном будущем вырисовывалось даже издание небольшой энциклопедии по данной теме.

Профессор снисходительно улыбнулся.

– Не хотелось бы охлаждать ваш энтузиазм, – сказал он усталым голосом, – но я не могу не отозваться о вашем усердии в негативном смысле. Усердие в антропологии приветствуется, но оно должно быть направлено в нужное русло. Мы все еще переживаем золотой век антропологии. Я имел счастье учиться у Альфреда Крёбера и Роберта Лоуи, двух столпов общественных наук. Я не посрамил их доверия. Я по-прежнему считаю антропологию фундаментальной дисциплиной. Все остальные дисциплины должны ответвляться от антропологии. Вся область истории, например, должна называться «исторической антропологией», а область философии – «философской антропологией». Человек должен быть мерой всего. Поэтому антропология, наука о человеке, должна быть ядром любой другой дисциплины. Когда-нибудь так и будет.

Я смотрел на него в полном изумлении. Это был, насколько я его знал, тихий, добродушный, старый профессор, который недавно перенес инфаркт. Кажется, я затронул в нем чувствительную струну.

– Не думаете ли вы, что вам следует уделять больше внимания теоретическим занятиям? – продолжал он между тем. – Вместо того чтобы заниматься полевой работой, не лучше ли вам было бы всерьез позаниматься лингвистикой? У нас на кафедре работает один из наиболее выдающихся лингвистов мира! На вашем месте я бы сидел у его ног и ловил каждое слово, исходящее из его уст.

Кроме того, у нас есть выдающийся авторитет в области сравнительного религиоведения. Есть самые компетентные антропологи, которые создали труды о системах родства культур всего мира – с точки зрения лингвистики и с точки зрения познания. Вам надо иметь солидную теоретическую подготовку. Думать, что вы можете заниматься полевой работой уже сейчас, – это непростительное легкомыслие. Погрузитесь в книги, молодой человек. Вот вам мой совет.

Я упрямо отправился со своим предложением к другому профессору, более молодому. Но и он мне не помог, а открыто высмеял меня. Он сказал, что статья, которую я задумал, – это комикс о Микки Маусе. Даже с натяжкой нельзя считать это антропологией.

– Сегодня антропологи, – сказал он «профессорским» тоном, – озабочены более злободневными проблемами. Представители медицинских и фармацевтических наук уже произвели бесчисленные исследования всех существующих лекарственных растений мира. Здесь уже обглоданы все кости. Предлагаемое вами собрание данных было бы уместно в начале XIX века. Но с тех пор прошло почти двести лет. Знаете ли, существует такая вещь, как прогресс.

Затем он дал мне определение и истолкование прогресса и его совершенствования как двух философских категорий, которые, по его мнению, более всего применимы к антропологии.

– Антропология – это единственная наука, – продолжал он, – которая четко обосновывает концепцию совершенствования и прогресса. Слава богу, что в тумане цинизма нашего времени все еще светит луч надежды. Только антропология может продемонстрировать действительное развитие культуры и организации социума. Только антропологи могут доказать человечеству без тени сомнения наличие прогресса в человеческом знании. Культура развивается, и только антропологи могут продемонстрировать образцы обществ, соответствующих определенным звеньям в цепи прогресса и совершенствования. Вот что такое антропология! Не какая-то там ваша жалкая полевая работа, которая и не полевая работа вовсе, а просто мастурбация.

Это был сокрушительный удар. Хватаясь за последнюю соломинку, я поехал в Аризону, чтобы поговорить с антропологами, которые проводили там настоящую полевую работу. К тому времени я уже был готов к тому, чтобы отказаться от своей идеи. Я понял, что пытались мне внушить эти два профессора. И я был с ними полностью согласен! Мое стремление заниматься полевой работой было, конечно, просто ребячеством. И все-таки как хорошо было бы размять ноги в поле! Нельзя же заниматься наукой только в библиотеке.

В Аризоне я встретился с очень опытным антропологом, который много писал об аризонских и сонорских индейцах яки. Он был крайне любезен. Не останавливал меня и не давал советов. Он только заметил, что индейские общины Юго-Запада живут очень замкнуто и что иностранцам, особенно латинского происхождения, эти индейцы не доверяют, а то и питают к ним откровенную вражду.

Его более молодой коллега был общительнее. Он сказал, что мне стоило бы сначала почитать книги о травах. Он был экспертом как раз в этой области и считал, что все, что можно знать о лекарственных растениях Юго-Запада, уже обсуждено и разложено по полочкам в различных публикациях. Он даже заявил, что любой современный индейский травник черпает свои знания как раз из этих публикаций, а не из индейской традиции. Закончил он утверждением, что если до сих пор и сохранились какие-то традиционные целительские практики, то индейцы ни за что не передадут их чужаку.

– Займись лучше чем-то стоящим, – посоветовал он мне. – Обрати внимание на городскую антропологию. Много денег выделяется, например, на изучение алкоголизма среди индейцев в больших городах. И это то, чем любой антрополог может заниматься без особых трудностей. Пойди и напейся в баре с местными индейцами. Затем проведи статистический анализ всего того, что ты о них узнаешь. Преврати все в цифры. Городская антропология – это реальная наука.

Мне ничего не оставалось, как только прислушаться к советам опытных ученых. Я уже решил было лететь назад в Лос-Анджелес, но тут еще один мой друг-антрополог известил меня, что собирается проехать по Аризоне и Нью-Мексико, посетить все места, где он проводил раньше работу, и восстановить отношения с людьми, которые были когда-то его антропологическими информаторами.

– Я буду рад, если ты поедешь со мной, – сказал он. – Работать я не собираюсь. Просто хочу повидаться с ними, выпить со всеми по рюмке, потрепаться. Я им накупил подарков – одеял, выпивки, курток, разной амуниции для ружей двадцать второго калибра. Загрузил машину всяким добром. Обычно, когда я хочу встретиться с ними, я езжу один, но при этом всегда рискую заснуть за рулем. Ты мог бы составить мне компанию, не давал бы мне пить лишнего, а если я все-таки переберу, мог бы и посидеть немного за рулем, а?

Я настолько пал духом, что отклонил его предложение.

– Мне очень жаль, Билл, – сказал я. – Эта поездка мне не поможет. Я больше не вижу смысла в этой идее полевой работы.

– Не сдавайся без борьбы, – сказал Билл отечески-заботливым тоном. – Ты должен весь выложиться в борьбе, а если не получится, тогда что ж, можно и отказаться, но не раньше. Поехали со мной, и ты увидишь, как тебе понравится Юго-Запад.

Он положил руку мне на плечо. Я невольно отметил, как тяжела его рука. Билл всегда был высокий и сильный, но в последние годы в его теле появилась странная жесткость. Он утратил свое всегдашнее мальчишество. Его круглое лицо больше не лучилось молодостью, как раньше. Теперь это было озабоченное лицо. Я думал, что он беспокоится по поводу своего облысения, но иногда мне казалось, что тут кроется нечто большее.

Итак, он стал тяжелее. Не то чтобы он потолстел: его тело стало более тяжелым в каком-то необъяснимом смысле. Я замечал это по тому, как он стал ходить, садиться и вставать. Казалось, что Билл в любом движении каждой своей клеточкой упорно борется с гравитацией. Кончилось тем, что, несмотря на накотившее на меня безразличие, я все-таки отправился с ним в это путешествие. Мы объехали все места в Аризоне и Нью-Мексико, где жили индейцы. Одним из результатов этой поездки стало то, что я обнаружил в личности моего друга-антрополога два очень разных аспекта. Он объяснил мне, что, как профессиональный ученый, он почти не имел собственных мнений и всегда придерживался генеральной линии антропологической науки. Но как частному лицу, полевая работа давала ему богатые и интересные переживания, о которых он никому не рассказывал. Эти переживания не втискивались в господствующие идеи антропологии, так как их невозможно было классифицировать.

Во время нашего путешествия он неизменно выпивал со своими экс-информаторами, после чего полностью расслаблялся. Тогда я садился за руль, а он сидел рядом и потягивал прямо из бутылки 30-летний «Баллантайн». В такие-то минуты Билл иногда был не прочь поговорить о своих неклассифицируемых переживаниях.

– Я никогда не верил в духов, – отрывисто произнес он однажды. – Никогда не интересовался привидениями и призраками, голосами во тьме и всяким таким. У меня было очень прагматичное, серьезное мировоззрение. Моим компасом всегда была наука. Но потом, когда я работал в поле, в меня стала проникать всякая чертовщина. Например, однажды ночью я отправился с несколькими индейцами на поиск видений³. Они собирались по-настоящему инициировать меня посредством болезненной церемонии протыкания грудных мышц. Они готовили в лесу ритуал парилки⁴. Я настраивал себя на то, чтобы вытерпеть боль. Чтобы придать себе силы, я пару раз хлебнул. И вдруг человек, который должен был «ходатайствовать» за меня перед выполняющими ритуал, закричал в ужасе, указывая на темную, зловещую фигуру, которая шла прямо к нам.

Когда эта фигура приблизилась ко мне, я увидел, что передо мной старый индеец, одетый самым диким образом. На нем были все шаманские регалии. Увидев этого старого шамана, человек, который меня опекал в ту ночь, упал от страха в обморок. Старик подошел ко мне

³ Поиск видений (vision quest (англ.)) – ритуал, выполняемый североамериканскими индейцами с целью обретения духа-наставника или иной формы сверхъестественного покровительства. Обеспечивает не только шаману, но и обычному человеку доступ в сферы Духа. – Прим. перев.

⁴ Sweat lodge (англ.) – индейский очистительный ритуал, предшествующий, в частности, поиску видений.

вплотную и уперся мне пальцем в грудь. А палец был – одна кожа и кости. Старик бормотал мне что-то непонятное. К этому моменту все остальные уже увидели старика и молча бросились ко мне. Старик повернулся и взглянул на них, и все они застыли на месте. Он сверлил их взглядом пару секунд. Голос у него был просто незабываемый. Словно он говорил через трубу или у него было во рту какое-то другое приспособление, извлекавшее звуки из самого его нутра. Клянусь, я видел, что этот человек говорит внутри тела, а его рот просто транслирует слова, как какой-то механизм. Так вот, пронзил он их взглядом и пошел дальше, мимо меня, мимо них, и исчез, растворился в темноте.

Билл рассказал, что церемония инициации так и не состоялась. Все индейцы, в том числе и шаманы, ответственные за ритуал, так дрожали от страха, что чуть не выпрыгивали из ботинок. Немного придя в себя, они разбежались кто куда.

– Люди, которые были друзьями многие годы, – продолжал он, – больше никогда не разговаривали друг с другом. Они заявили, что видели привидение в образе невероятно старого шамана и что, если бы они разговаривали об этом друг с другом, это принесло бы им несчастье. Даже просто смотреть друг на друга было опасно. Большинство из них потом уехали из тех мест.

– Почему они считали, что разговаривать друг с другом или смотреть друг на друга – к несчастью? – спросил я Билла.

– Таковы их верования, – ответил он. – Привидения такого рода обращаются к каждому из присутствующих индивидуально. Для индейцев получить такое видение – это значит определить свою судьбу на всю жизнь.

– И что же привидение сказало им индивидуально? – спросил я.

– Вот этого я не знаю, – ответил Билл. – Они ведь и мне никогда ничего не говорили. Когда я спрашивал их, они все входили в состояние глубокого оцепенения. Ничего не видели, ничего не слышали. Уже через несколько лет после этого события тот человек, который потерял сознание, клялся мне, что обморок был притворный. Он просто до смерти боялся взглянуть в лицо тому старику. А то, что старик хотел сказать каждому из них, все они понимали не на словесном, а на каком-то другом уровне.

То, что привидение сказало Биллу, насколько он понял, имело отношение к его здоровью и его будущему.

– То есть? – спросил я.

– Дела мои не очень хороши, – признался он. – Мое тело чувствует себя плохо.

– Но ты хоть знаешь, в чем тут дело?

– Ну да, – сказал он безразличным тоном, – врачи мне все объяснили. Но я не собираюсь беспокоиться и даже думать об этом.

Откровения Билла оставили тяжелый осадок у меня на душе. С этой стороны я его совершенно не знал. Я всегда считал, что он весельчак, рубаха-парень. Никогда бы не подумал, что у него есть уязвимые места. И такой Билл мне не нравился. Но было уже слишком поздно отступать. Наше путешествие продолжалось.

В другой раз он доверительно сообщил мне, что шаманы Юго-Запада умеют превращаться в различные существа и что деление шаманов на «медведей», «горных львов» и т. п. следует понимать не в символическом или метафорическом смысле, а в самом что ни на есть буквальном.

– Не знаю, поверишь ли ты, – заявил он самым почтительным тоном, – но есть шаманы, которые на самом деле становятся медведями, горными львами или орлами. Я не преувеличиваю и ничего не придумываю, когда говорю, что однажды я сам видел превращение шамана, который называл себя «Речной Человек», «Речной Шаман» или «Пришедший из Реки, Возвращающийся в Реку». С ним я был в горах в штате Нью-Мексико. Я возил его на машине; он мне доверял. Этот шаман искал свой исток – так он говорил. Один раз мы с ним шли по берегу

реки, как вдруг он стал каким-то очень возбужденным. Он велел мне скорей убегать с берега к высоким скалам, спрятаться там, накрыть голову и плечи одеялом и выглядывать в щелочку, чтобы не пропустить то, что он сейчас будет делать.

– Что же он собирался делать? – спросил я, не в силах сдержать нетерпение.

– Я не знал, – сказал Билл. – Мне оставалось только догадываться. Я и представить себе не мог, что он собирался делать. Он просто зашел в воду, во всей одежде. Когда вода дошла ему до икр – это была широкая, но мелкая горная речка, – шаман просто исчез, растворился. Но прежде чем войти в воду, он шепнул мне на ухо, что я должен пройти вниз по течению и подождать его. Он указал мне точное место, где ждать. Я нашел это место и увидел, как шаман вышел из воды. Хотя глупо говорить, что он «вышел из воды». Я видел, как шаман превратился в воду, а затем воссоздал себя из воды. Ты можешь в это поверить?

Я не мог ничего сказать по поводу этой истории. Поверить в нее было невозможно, но и не верить я тоже не мог. Билл был слишком серьезным человеком. Напрашивалось единственное разумное объяснение: в этом путешествии он пил с каждым днем все больше. В багажнике у Билла был ящик с двадцатью четырьмя бутылками шотландского виски – для него одного. Он пил как лошадь.

– Я всегда был равнодушен к эзотерическим превращениям шаманов, – объявил он мне в другой день. – Не скажу, что я могу объяснить эти превращения или хотя бы верю в то, что они на самом деле происходят, но в качестве интеллектуального упражнения очень интересно подумать о том, что превращение в змей и горных львов не так трудно, как то, что делал водяной шаман. В подобные моменты я задействую свой разум таким образом, что перестаю быть антропологом и начинаю реагировать на то, что чую нутром. А утром я чую, что эти шаманы определенно делают что-то такое, что невозможно научно зафиксировать и вообще говорить о них, если ты в здравом уме.

Например, есть облачные шаманы, которые превращаются в облака, в туман. Я никогда этого не видел, но я знал одного облачного шамана. Я не видел, чтобы он исчезал или превращался в туман на моих глазах, как тот, другой шаман превратился в воду. Но однажды я погнался за облачным шаманом, и он просто исчез – в таком месте, где спрятаться просто негде. Хотя я не видел, как он превратился в облако, но он исчез! Я не могу объяснить, куда он девался. Там, где он пропал, не было ни скал, ни растительности. Я был там через полминуты после него, но шамана уже не было.

– Я гнался за этим человеком, чтобы получить информацию, – продолжал Билл. – Но он не хотел уделить мне время. Он был очень дружелюбен, но и только.

Билл рассказал мне еще множество других историй: о соперничестве и политических группировках индейцев в разных резервациях, о кровной мести, вражде, дружбе и т. д., и т. д. – все это не интересовало меня ни в малейшей степени. А вот истории о превращениях шаманов и привидениях давали мне серьезную эмоциональную встряску. Они меня одновременно и привлекали, и пугали. Но почему они меня привлекают или пугают, я не мог понять, как ни пытался. Могу только сказать, что эти шаманские истории задевали меня на каком-то неизвестном мне телесном уровне, я бы даже сказал, на уровне внутренних ощущений.

Еще во время этой поездки я понял, что индейские сообщества Юго-Запада – сообщества действительно закрытые. И я в конце концов согласился с тем, что мне действительно необходимо пройти основательную теоретическую подготовку, что разумнее было бы заняться полевой антропологической работой в такой сфере, с которой я знаком или в которой имеется некоторая конкуренция.

Когда наша поездка закончилась, Билл отвез меня на автобусную станцию в Ногалес, штат Аризона. Оттуда мне предстояло вернуться в Лос-Анджелес. Пока мы сидели в зале ожидания, Билл по-отечески поучал меня, напоминая, что неудачи в антропологической полевой

работе неизбежны, но они являются или признаками приближения к цели, или моего созревания как ученого.

И вдруг он наклонился ко мне и движением подбородка указал на противоположный конец зала.

– Кажется, старик, который сидит на скамейке в углу, – и есть тот человек, о котором я тебе рассказывал, – прошептал он мне на ухо. – Я не совсем уверен, потому что я видел его перед собой, лицом к лицу, только один раз.

– Какой человек? Что ты мне о нем рассказывал? – спросил я.

– Когда мы говорили о шаманах и шаманских превращениях, я рассказал тебе, как однажды я встретил облачного шамана.

– Да-да, я помню, – сказал я. – Это и есть облачный шаман?

– Нет, – сказал Билл, – но мне кажется, что это товарищ или учитель облачного шамана. Я их обоих видел вместе много раз – правда, издали и много лет назад.

Я вспомнил, что Билл мельком упоминал, причем не в связи с облачным шаманом, о существовании некоего таинственного старика, бывшего шамана; этот старый мизантроп из Юмы когда-то был ужасным колдуном. Об отношении этого старика с облачным шаманом мой друг никогда ничего не рассказывал, но, очевидно, это было настолько важно для Билла, что он был уверен, будто я тоже об этом знаю.

Странное беспокойство неожиданно овладело мной и заставило вскочить со скамьи. Как будто влекомый чужой волей, я подошел к старику и сразу же начал длинную тираду о том, как я много знаю о лекарственных растениях и о шаманизме индейцев равнин и их сибирских предков. Мимоходом я упомянул, что слышал о старике как о шамане. В заключение я заверил старика, что для него было бы крайне полезно побеседовать со мной обстоятельно.

– Во всяком случае, – сказал я нетерпеливо, – мы могли бы обменяться историями. Вы расскажете мне свои, а я вам – мои.

Все это время старик не поднимал на меня глаз. И тут вдруг взглянул мне прямо в глаза. «Я Хуан Матус», – сказал он.

Моя тирада ни в коем случае не должна была прекращаться, но по какой-то непонятной причине я вдруг почувствовал, что мне больше нечего сказать. Хотелось только назвать свое имя. Но старик поднял руку на уровень моих губ, как бы заставляя меня молчать.

В этот момент подъехал автобус. Старик проворчал, что это тот автобус, на котором он должен ехать, затем дружелюбно пригласил меня заглянуть как-нибудь к нему, чтобы мы могли поговорить в непринужденной обстановке и обменяться историями. Говоря это, он слегка усмехнулся уголком рта. С невероятной для человека его возраста ловкостью – ему было, как я прикинул, за восемьдесят – он в несколько прыжков покрыл пятидесятиметровое расстояние между скамьей, где он сидел, и дверью автобуса. Автобус словно остановился специально для того, чтобы подобрать этого старика, – как только он запрыгнул, дверь закрылась и машина тронулась.

Старик уехал, а я вернулся к скамейке, где сидел Билл.

– Что он сказал, что он сказал? – спрашивал он возбужденно.

– Чтобы я заглянул к нему домой, – ответил я. – И даже сказал, что мы там сможем поговорить.

– Он пригласил тебя к себе домой? Что же ты ему такого сказал? – приставал Билл.

Я похвастался Биллу, что во мне погиб торговый агент, и рассказал, как я пообещал старику поделиться с ним своей богатой информацией о лекарственных растениях.

Билл явно не поверил ни одному моему слову. Он обвинил меня в том, что я что-то утаиваю от него.

– Я знаю, что за люди здесь живут, – заявил он воинственно, – а этот старик – особенно странный тип. Он не разговаривает ни с кем, в том числе и с индейцами. С какой бы стати ему разговаривать с тобой, чужаком? Был бы ты хоть умный!

Было очевидно, что мой друг рассердился на меня, хотя я и не мог понять за что. Я не смел попросить у него объяснений. У меня возникло впечатление, что он ревнует меня к этому старику. Возможно, я добился успеха там, где он в свое время потерпел поражение. Как бы то ни было, мой случайный успех ничего для меня не значил. Если не считать кратких замечаний Билла, я не имел ни малейшего представления о том, как трудно было познакомиться с этим стариком. Да и ничего особо примечательного в нашем разговоре я в то время не обнаружил. И меня удивляло, что Билл так расстраивается по этому поводу.

– А ты знаешь, где он живет? – спросил я его.

– Не имею ни малейшего понятия, – ответил он сухо. – Местные люди говорили, что он не живет вообще нигде, просто появляется неожиданно то здесь, то там, но все это, конечно, чушь собачья. Наверное, живет в какой-нибудь развалюхе в мексиканском Ногалесе.

– Чем же он так важен? – спросил я. Задав этот вопрос, я смог набраться храбрости и добавить: – По-моему, ты расстроен из-за того, что он разговаривал со мной. Почему?

Билл с безразличным видом признал, что действительно был раздосадован, потому что, по его сведениям, бесполезно даже пытаться заговорить с этим человеком.

– Этот старик – редкий грубиян, – добавил Билл. – В лучшем случае, ты к нему обращаешься, а он на тебя только смотрит и слова не скажет. А в другой раз и взглядом не удостоит; просто не обращает на тебя внимания, словно ты пустое место. Я один-единственный раз попытался заговорить с ним, и он меня очень грубо оборвал. Знаешь, что он мне сказал? «На твоём месте я бы не тратил энергию на открывание рта. Береги её. Она тебе нужна». Не был бы он такой старой галошей, я бы врезал ему по носу.

Я заметил, что называть этого человека «стариком» было бы не совсем корректно. На самом деле, он не выглядел таким уж старым, хотя лет ему, безусловно, немало. Он был невероятно подвижен и крепок. Про себя же я подумал, что Билл оказался бы в жалком положении, если бы вздумал врезать такому «старик» по носу. Старый индеец выглядел невероятно сильным. Можно даже сказать, что в нем было нечто устрашающее.

Но этого я вслух не сказал. Билл продолжал разглагольствовать о том, как ненавистен ему этот старикашка и что бы он со старикашкой сделал, если бы тот не был таким тщедушным.

– Как ты думаешь, кто бы мог сообщить мне информацию о том, где он живет? – спросил я.

– Возможно, кое-кто в Юме, – ответил он, понемногу успокаиваясь. – Может быть, те люди, с которыми я тебя познакомил в начале нашей поездки. Ты ничего не потеряешь, если порасспросишь их. Можешь сказать, что это я тебя к ним направил.

Итак, мои планы изменились. Вместо того чтобы вернуться в Лос-Анджелес, я отправился в Юму, штат Аризона. Встретился с людьми, с которыми меня познакомил Билл. Они не знали, где живет тот старый индеец, но их отзывы о нем еще больше возбудили мое любопытство. Мне сказали, что он не из Юмы, а из мексиканского штата Сонора и что в молодости он был внушающим ужас магом, творил заклинания и насылал чары на людей, но, постарев, превратился вотшельника-аскета. Хотя он был индейцем яки, одно время его видели с группой мексиканцев, которые, судя по всему, хорошо разбирались в магии. Все информаторы Билла утверждали, что уже много лет никто из той компании в окрестностях Юмы не появлялся. Один из информаторов добавил, что этот старик был сверстником его дедушки. Но дедушка был уже дряхл и прикован к постели, а маг с годами, казалось, лишь набирался сил. Этот же рассказчик порекомендовал мне обратиться к неким людям в Эрмосильо, столице Соноры, которые могли знать старика и рассказать мне о нем больше.

Перспектива поездки еще и в Мексику меня не очень-то радовала. Сонора находилась слишком далеко от сферы моих интересов. Кроме того, я рассудил, что лучше все-таки и впрямь заняться городской антропологией, и вернулся в Лос-Анджелес. Перед отъездом в Калифорнию я, правда, прочесал окрестности Юмы, повсюду расспрашивая о старике. Но больше никто ничего о нем не знал.

В автобусе на пути в Лос-Анджелес я пережил смешанные ощущения. С одной стороны, я чувствовал себя полностью излечившимся от всяких помрачений, связанных с полевой работой и стариком-индейцем. С другой – меня мучила странная ностальгия. Такого со мной раньше никогда не бывало. Новизна ощущения поразила меня до глубины души. Это была смесь беспокойства и тоски, как будто мне не хватало чего-то крайне важного. По мере того как я приближался к Лос-Анджелесу, все, что воздействовало на меня в Юме, постепенно начало уходить на задний план. Но от этого моя тоска лишь усилилась.

Глава 2

Намерение бесконечности

– Я хотел бы, чтобы ты не спеша обдумал каждую подробность того, что случилось между тобой и теми двумя людьми, Хорхе Кампосом и Лукасом Коронадо, которые на самом деле привели тебя ко мне, – сказал дон Хуан. – Потом расскажи мне все, что вспомнишь об этом.

Выполнить его просьбу было для меня очень сложной задачей, и все же мне даже понравилось вспоминать то, что рассказывали эти двое. Дон Хуан хотел услышать все подробности, и это заставило меня предельно напрячь свою память.

История, которую заставил меня вспомнить дон Хуан, началась в городке Гуаймас мексиканского штата Сонора. В Юме, штат Аризона, мне дали имена и адреса тех людей, которые, как мне сказали, могут пролить свет на загадку встреченного на автобусной остановке старика. Но люди, которых я навестил, не только не знали никакого старого шамана, но и вообще сомневались, что такой человек существует. Впрочем, все они рассказывали множество жутких историй о шаманах из племени яки и воинственном духе всех представителей этого племени. Однако они намекнули, что, возможно, я смогу найти кое-кого, кто укажет мне верное направление, в Викаме – железнодорожном поселке между городами Гуаймас и Сьюдад-Обрегон.

– Можете ли вы порекомендовать конкретного человека? – спросил я.

– Лучше всего будет поговорить с инспектором государственного банка, – предположил один из моих собеседников. – В этом банке много инспекторов. Им известно все о местных индейцах, ведь банк является государственным учреждением, скупающим их урожаи, а каждый индеец яки – фермер: он владеет участком земли и может считать его своей собственностью, пока обрабатывает его.

– Вы знакомы с каким-нибудь инспектором? – спросил я.

Все переглянулись и посмотрели на меня с извиняющимися улыбками. Они не знали ни одного инспектора, но настоятельно советовали мне найти любого из них и рассказать ему о своей проблеме.

Мои попытки познакомиться с инспекторами государственного банка на станции Викам обернулись полной неудачей. Я встретился с тремя из них, но, как только рассказывал, чего от них хочу, они начинали смотреть на меня с нескрываемой подозрительностью. Они немедленно решали, что я – шпион янки, подсланный для того, чтобы затеять какие-то неприятности. Хотя инспекторы не могли точно определить, какие именно, но высказывали самые дикие предположения – от политической пропаганды до промышленного шпионажа. Все вокруг без всяких на то оснований верили, что в недрах земель племени яки есть залежи меди и янки пытаются завладеть ими.

После провала всех моих попыток я вернулся в Гуаймас и остановился в гостинице неподалеку от одного знаменитого ресторана, куда ходил трижды в день. Кухня там была великолепной. Мне она так понравилась, что я остался в Гуаймасае еще на неделю. Фактически, я чуть ли не жил в этом ресторане и благодаря этому хорошо познакомился с его владельцем, сеньором Рейесом.

Однажды во время обеда мистер Рейес подвел к моему столику какого-то человека, которого представил как Хорхе Кампоса, чистокровного индейца яки и предпринимателя; в молодости он жил в Аризоне, прекрасно говорил по-английски и был американцем больше, чем любой другой американец. Мистер Рейес восхвалял его как истинный образец упорного труда и настойчивости, которые способны превратить человека в исключительную личность.

Мистер Рейес оставил нас наедине, а Хорхе Кампос присел за столик и немедленно перешел к делу. Он старался вести себя скромно и отрицал похвалы, только что прозвучавшие в его адрес, но было совершенно ясно, что на самом деле он чрезвычайно польщен словами

мистера Рейеса. С первого взгляда у меня возникло четкое впечатление, что Хорхе Кампос относится к тем предпринимателям, каких можно встретить в баре или на оживленном углу Главной Улицы⁵, – они продают идеи или просто пытаются найти хитроумный способ избавить людей от их сбережений.

У мистера Кампоса была очень приятная внешность – около шести футов ростом, стройный, с импозантным брюшком, выдающим любителя крепких напитков. У него было очень смуглое лицо с легким налетом бледности. На нем были дорогие джинсы и лакированные ковбойские ботинки с острыми носками и угловатыми каблуками, словно ему часто приходилось упираться в землю, чтобы остановить пойманного лассо бычка. Помимо этого, на нем была безупречно выглаженная серая рубашка из шотландки; из правого кармана выглядывал пластиковый чехол с целым набором ручек. Мне доводилось видеть такие карманные чехлы у конторских служащих, не желавших испачкать чернилами карманы своих рубашек. Наряд Кампоса довершали довольно дорогая на вид, отделанная бахромой красновато-коричневая замшевая куртка и высокая шляпа техасского ковбоя. Его круглое лицо было бесстрастным. Морщин на нем не было, хотя на вид Кампосу было уже за пятьдесят. По какой-то неведомой причине я решил, что этот человек опасен.

– Очень приятно познакомиться с вами, мистер Кампос, – сказал я, протягивая ему руку.

– Давай покончим с формальностями, – ответил он, энергично пожимая мою руку. – Мне нравится держаться с молодыми людьми на равных, несмотря на разницу в возрасте. Зови меня просто Хорхе.

Он на мгновение умолк – без сомнения, для того, чтобы понаблюдать за моей реакцией. Я не знал, что ответить. Мне совершенно не хотелось шутить с ним, но в то же время я не мог воспринимать его всерьез.

– Любопытно, что привело тебя в Гуаймас? – непринужденно продолжал он. – На туриста ты не похож, да и подводная охота вряд ли тебя привлекает.

– Я изучаю антропологию, – ответил я, – и пытаюсь сойтись с местными индейцами, чтобы провести полевые исследования.

– А я деловой человек, – откликнулся он. – Мой бизнес заключается в снабжении информацией, в посредничестве. У тебя есть потребность, у меня – товар. Но я беру плату за свои услуги и при этом гарантирую качество. Если ты останешься недоволен, платить не придется.

– Если ваш бизнес заключается в продаже информации, – сказал я, – то я с удовольствием заплачу, какую бы цену вы ни назначили.

– Ага! – воскликнул он. – Тебе явно нужен проводник – кое-кто более образованный, чем обычный здешний индеец яки, кто познакомил бы тебя с окрестностями. А ты получил дотацию на исследования у правительства Соединенных Штатов или у какой-то крупной организации?

– Да, – солгал я. – Дотацию выделил Эзотерический Фонд Лос-Анджелеса.

Как только я произнес это, в его глазах промелькнул жадный блеск.

– Ага! – снова воскликнул он. – Это крупная организация?

– Довольно большая, – подтвердил я.

– Господи! Что, правда? – переспросил он, будто мои слова были тем объяснением, которое он желал услышать. – Могу ли я спросить, если, конечно, ты не против, – насколько велика эта дотация? Сколько они тебе дали?

– Несколько тысяч долларов для предварительных полевых изысканий, – опять соврал я, чтобы увидеть, как он отреагирует.

⁵ *Main Street* (англ.) – Главная Улица – название главной улицы практически в любом маленьком американском городке. – Прим. ред.

– Ага! Люблю откровенных людей, – сказал он, смакуя каждое свое слово. – Я думаю, мы с тобой достигнем взаимопонимания. Я предлагаю тебе услуги в качестве проводника и готов послужить тем ключом, что отворит перед тобой множество тайных дверей племени яки. Как ты мог заметить по моему внешнему виду, я обладаю определенным вкусом и средствами.

– О да, у вас явно хороший вкус, – подтвердил я.

– Я имею в виду, – продолжал он, – что за небольшое вознаграждение, которое ты сочтешь вполне разумным, я приведу тебя к нужным людям, – к людям, которым ты сможешь задать любые вопросы. За незначительную дополнительную плату я слово в слово переведу для тебя их ответы на испанский или английский. Еще я говорю на французском и немецком, но что-то подсказывает мне, что эти языки тебя не интересуют.

– Вы правы. Вы совершенно правы, – сказал я. – Эти языки меня совершенно не интересуют. Сколько же вы хотите в качестве вознаграждения?

Он вынул из внутреннего кармана обтянутый кожей блокнот, помахал им перед моим носом, нацарапал в нем какие-то беглые пометки, снова махнул им, закрывая, и изящным и быстрым движением сунул в карман. Я был уверен, что он хотел продемонстрировать мне, насколько ловко и споро управляется с вычислениями.

– Так! Мое вознаграждение! Я возьму с тебя пятьдесят долларов в день, не считая транспортных расходов и питания. Это значит, что, когда будешь кушать ты, кушать буду и я. Что скажешь?

В этот момент он подался ко мне и почти шепотом сообщил, что нам следует перейти на английский, потому что он не хочет, чтобы окружающие узнали о характере нашей сделки. После этого он начал говорить со мной на каком-то языке, но это был вовсе не английский! Я совершенно растерялся и не знал, как мне реагировать. От вида человека, несущего какую-то тарабарщину с совершенно естественным выражением лица, меня пробрала нервная дрожь. Но он вел себя совершенно спокойно, сопровождая слова оживленными жестами и указывая то на одно, то на другое, будто объяснял мне что-то. Мне показалось, что это не был какой-то из перечисленных им языков; возможно, он говорил на языке яки. Когда мимо нашего стола проходили люди, я кивал головой и произносил: «Да, да, конечно». Один раз я сказал: «Вы не могли бы повторить еще раз?» – это прозвучало так смешно, что я расхохотался до рези в животе. Он тоже от души рассмеялся, словно я отмочил невероятную шутку.

Должно быть, он заметил, что я совершенно сбит с толку, так как, прежде чем я успел сказать ему, что ничего не понимаю, он вновь перешел на испанский.

– Не хотелось бы утомлять тебя своими глупыми наблюдениями, – сказал он, – но, если я стану твоим проводником, – а мне кажется, я им стану, – нам придется проводить за разговорами долгие часы. Только что я проверял тебя, пытаюсь определить, хороший ли ты собеседник. Раз мне суждено продолжительное время быть рядом с тобой, пока ты ведешь машину, я хочу убедиться, что ты умеешь слушать и поддерживать беседу. Рад сообщить, что ты искусен и в том, и в другом.

Он поднялся, пожал мне руку и ушел. Словно по сигналу, к столику подошел владелец ресторана; он улыбался и покачивал головой из стороны в сторону, как медвежонок.

– Он замечательный парень, правда? – поинтересовался мистер Рейес.

Мне не хотелось добавлять что бы то ни было к этому заявлению, так что мистер Рейес по собственной воле поведал мне, что в данный момент Хорхе Кампос выступает в роли посредника в одной чрезвычайно деликатной и выгодной сделке. Он добавил, что некие горнодобывающие компании Соединенных Штатов заинтересованы в разработке залежей железа и меди в землях индейцев яки и на этом Хорхе Кампос собирается заработать около пяти миллионов долларов. Теперь я точно знал, что Хорхе Кампос – мошенник: в земле, которой владели индейцы яки, не было ни железа, ни меди. Будь там полезные ископаемые, частные предприятия давным-давно вытеснили бы индейцев с этой земли и поселили бы где-то в другом месте.

– Он действительно замечательный, – сказал я. – Самый удивительный человек из всех, кого я встречал. Как я могу снова найти его?

– Не беспокойтесь об этом, – заверил меня мистер Рейес. – Хорхе уже расспросил меня о вас. Он наблюдал за вами с того самого момента, когда вы здесь появились. Думаю, сегодня вечером или завтра он сам постучит в вашу дверь.

Мистер Рейес был прав. Пару часов спустя, когда я прилег вздремнуть после обеда, меня разбудили. Я собирался покинуть Гуаймас ранним вечером и за ночь добраться до Калифорнии. Разбудил меня Хорхе Кампос. Я объяснил ему, что уезжаю, но вернусь сюда примерно через месяц.

– Ага! Но ты должен остаться, ведь я согласился стать твоим проводником, – сказал он.

– Мне очень жаль, но с этим придется подождать. Сейчас у меня очень мало времени, – ответил я.

Я знал, что Хорхе Кампос – плут, и все же решил рассказать ему, что у меня уже есть источник информации, пожелавший поработать на меня, и что я познакомился с ним в Аризоне. Я описал ему старика и сказал, что его зовут Хуан Матус, а другие люди говорили о нем как о шамане. Хорхе Кампос широко улыбнулся в ответ. Я спросил, знаком ли он с этим стариком.

– О да, я его знаю, – весело подтвердил он. – Можно даже сказать, что мы добрые приятели. – Не дожидаясь приглашения, Хорхе Кампос вошел в комнату и присел за столик возле балкона.

– Он живет где-то рядом? – спросил я.

– Конечно, – уверенно сказал Хорхе.

– Вы можете проводить меня к нему?

– Почему бы и нет, – ответил он. – Мне понадобится пара дней, чтобы навести кое-какие справки, – просто убедиться, что сейчас он здесь. Потом мы сможем навестить его.

Я понимал, что он лжет, и все же мне хотелось ему поверить. Я даже подумал, что мое первоначальное недоверие было совершенно необоснованным: в этот миг он, казалось, был вполне искренним.

– Однако, – продолжал он, – я запрошу с тебя плату за то, что приведу к этому человеку. Мой гонорар составит двести долларов.

Эта сумма превышала все, что было в моем распоряжении. Я вежливо отказался и заявил, что у меня нет таких денег.

– Мне не хотелось бы выглядеть торгашом, – сказал он, расплываясь в обаятельной улыбке, – но скажи тогда, сколько ты можешь себе позволить? Учти, что мне придется потратиться на взятки. Индейцы яки очень замкнуты, но определенные способы всегда существуют. Любые двери открываются одним золотым ключиком – деньгами.

Несмотря на все мои дурные предчувствия, я не сомневался в том, что Хорхе Кампос вхож не только в мир индейцев яки, но и в дом того старика, что так меня заинтриговал. Мне не хотелось торговаться, и я испытал легкий стыд, предложив ему лежащие в моем кармане пятьдесят долларов.

– Я уже собирался уезжать, – сказал я, будто извиняясь, – так что с деньгами у меня туговато. Осталось только пятьдесят долларов.

Хорхе Кампос вытянул длинные ноги под столом, скрестил руки за головой и сдвинул шляпу на лоб.

– Я возьму эти пятьдесят долларов и твои часы, – без тени смущения заявил он. – Но за эту плату я отведу тебя только к младшему шаману. Не волнуйся! – предупредил он, словно я уже начал протестовать. – По этой лестнице следует подниматься осторожно – с нижней ступеньки до самого этого человека, который, смею тебя заверить, занимает чрезвычайно высокое положение.

– Когда же мы встретимся с этим младшим шаманом? – спросил я, протягивая ему деньги и часы.

– Прямо сейчас! – воскликнул он, выпрямился и нетерпеливо схватил часы и деньги. – Пойдем! Не будем терять ни минуты!

Мы уселись в машину, и он сообщил, что мы направляемся в город Потам – один из старинных центров племени яки на берегу реки Яки. Пока мы ехали, он рассказал, что познакомит меня с Лукасом Коронадо – человеком, известным своим колдовским искусством, шаманскими трансами и великолепными масками, которые он делает для праздников яки на Великий Пост.

Затем разговор перешел на тему о старике, и слова Хорхе полностью противоречили всему, что говорили о нем другие. Хотя его описывали как отшельника и шамана в отставке, Хорхе Кампос изобразил старика самым выдающимся целителем и колдуном в этом районе – человеком, слава которого превратила его в совершенно недостижимую личность. Хорхе сделал театральную паузу, а потом нанес свой последний удар: он сказал, что непринужденный разговор со стариком – тот вид беседы, к какому стремятся все антропологи, – обойдется мне по меньшей мере в две тысячи долларов.

Я собирался было возмутиться таким резким скачком цены, но Хорхе опередил меня.

– За двести долларов я мог бы просто провести тебя к нему, – сказал он. – Но из них у меня осталось бы не больше тридцати долларов – все остальное ушло бы на взятки. Однако продолжительный разговор с ним стоит намного дороже. Подумай сам: у него куча телохранителей, людей, что его оберегают. Мне нужно уговорить их и дать что-то каждому.

– В конце концов, – закончил он, – я могу представить тебе полный отчет с квитанциями и всем прочим, что нужно для твоей налоговой декларации. Тогда ты поймешь, что мои комиссионные за организацию всего дела совершенно незначительны.

Я испытал прилив восхищения этим человеком. Он предусмотрел все, даже квитанции о налогах с дохода. Какое-то время он молчал, будто подсчитывал свою незначительную прибыль. Мне тоже нечего было сказать: я сам занялся подсчетами, пытаясь придумать способ найти две тысячи долларов. Я даже подумал о том, чтобы действительно подать просьбу о дотации.

– Вы уверены, что старик захочет говорить со мной? – спросил я.

– Разумеется, – заверил Хорхе. – Он не только поговорит с тобой, но и покажет какое-нибудь колдовство, если, конечно, ты ему заплатишь. И вы сможете договориться о том, сколько ты будешь платить за дальнейшие уроки. – Хорхе Кампос опять ненадолго умолк, пристально глядя мне в глаза. – Так что, сможешь заплатить две тысячи? – спросил он таким нарочито равнодушным тоном, что я вновь мгновенно осознал, что он мошенник.

– О да, это вполне приемлемая сумма, – успокаивающе соврал я.

Он не мог скрыть своего ликования.

– Молодец! Молодец! – одобрительно воскликнул он. – Вот и договорились!

Я попытался задать ему еще несколько общих вопросов о старике, но он бесцеремонно прервал меня:

– Спросишь у самого старика. Он будет в твоём полном распоряжении, – с улыбкой пообещал Хорхе.

Он принялся рассказывать мне о своей жизни в Соединенных Штатах и деловой карьере. Поскольку я уже отнес его к категории жуликов, не знающих ни единого английского слова, он вдруг перешел на английский, что привело меня в полное замешательство.

– Так вы *говорите* по-английски! – воскликнул я, даже не пытаясь скрыть свое изумление.

– Ну разумеется, мой мальчик, – ответил он с техасским акцентом, которому подражал на протяжении всего нашего разговора. – Я ведь говорил, что хотел испытать тебя, проверить, насколько ты находчив. И следует признать, что ты весьма сообразителен.

На великолепном английском он принялся развлекать меня всякими шутками и историями. Мне показалось, что мы добрались до Потама почти мгновенно. Мы подъехали к дому на окраине города и вышли из машины. Хорхе шел впереди, громко выкрикивая имя Лукаса Коронадо.

Откуда-то из глубины дома раздался голос:

– Сюда.

В задней комнате лачуги, прямо на расстеленной на полу козьей шкуре сидел человек. Держа в руках резец и деревянный молоток, он возился с куском дерева, зажатом в его голых ступнях. Удерживая его на месте ногами, человек управлял им, словно огромным вращающимся колесом гончара. Ступни ловко вращали дерево, а руки тем временем обтачивали его резцом. Я никогда в жизни не видел ничего подобного. Он делал маску, выдалбливая в ней углубления искривленным резцом. Непринужденность, с какой он удерживал деревяшку ногами и поворачивал ее, была совершенно замечательной.

Человек был очень худ: вытянутое лицо с резкими чертами, высокие скулы и темная, почти медного цвета кожа. Кожа на лице и шее была так натянута, что казалось, вот-вот лопнет. Он носил тонкие обвисшие усы, которые придавали его угловатому лицу зловещее выражение. У него был орлиный нос с очень тонкой переносицей и свирепые черные глаза. Совершенно черные брови выглядели так, будто были нарисованы карандашом, – как и блестящие, зачесанные назад черные волосы. Мне никогда еще не доводилось видеть такого неприятного лица. При взгляде на него в голову приходил образ итальянского отравителя эпохи Медичи. После внимательного изучения лица Лукаса Коронадо я решил, что самыми подходящими для него будут слова «свирепый» и «угрюмый».

Я заметил, что ноги у него были такими длинными, что, когда он сидел на полу и сжимал ногами кусок дерева, колени доходили до самых плеч. Когда мы подошли ближе, он прервал работу и поднялся. Лукас был худым, как вешалка, и еще выше ростом, чем Хорхе Кампос. Он тут же надел свои *гуарачес* – как мне показалось, в знак уважения к нам.

– Входите, входите, – без улыбки сказал он. У меня возникло странное ощущение, что Лукас Коронадо вообще не умеет улыбаться. – Что стало причиной такого приятного визита? – спросил он у Хорхе Кампоса.

– Я привел этого молодого человека. Он хочет задать пару вопросов о твоём искусстве, – покровительственным тоном сообщил Хорхе Кампос. – Я поклялся, что ты ответишь на его вопросы совершенно правдиво.

– Ну конечно, конечно, – заверил Лукас Коронадо, окинув меня с ног до головы равнодушным взглядом.

Он перешел на другой язык – я решил, что это язык племени яки. Лукас и Хорхе погрузились в оживленный разговор, и говорили так довольно долго. При этом оба вели себя так, словно я вообще не существовал.

– Есть одна проблема, – наконец сказал мне Хорхе Кампос. – Лукас только что сообщил мне, что сейчас у него очень напряженное время, так как приближаются праздники. Поэтому сегодня он не сможет ответить на все твои вопросы, но обязательно сделает это в другой раз.

– Да, да, конечно, – подтвердил Лукас Коронадо на испанском. – В другой раз – обязательно. В другой раз.

– Нам придется уйти, – сказал Хорхе Кампос, – но я непременно приведу тебя к нему позже.

Когда мы уходили, я почувствовал желание высказать Лукасу Коронадо свое восхищение его изумительным мастерством одновременной работы руками и ногами. Он взглянул на меня так, будто я сумасшедший, а глаза его расширились от удивления.

– Ты что, никогда не видел, как делают маску? – процедил он сквозь сжатые зубы. – Ты откуда свалился? С Марса?

Я почувствовал себя идиотом и попытался объяснить, что для меня этот способ является совершенно новым. Мне показалось, что сейчас он ударит меня по голове. Хорхе Кампос на английском сказал мне, что своим замечанием я очень обидел Лукаса Коронадо. Он воспринял мою похвалу как скрытую попытку посмеяться над его бедностью. Для него мои слова стали ироничным указанием на то, каким нищим и беспомощным он стал.

– Все совсем наоборот! – заявил я. – Я считаю, что он великолепен.

– Не вздумай говорить ему что-то подобное, – резко возразил Хорхе Кампос. – Эти люди привыкли воспринимать и высказывать оскорбления в самой тонкой форме. Он считает очень странным, что ты пренебрежительно отзываешься о нем, хотя совсем его не знаешь, и к тому же смеешься над тем, что он не может позволить себе купить верстак для работы с деревом.

Я был совершенно растерян. Мне меньше всего хотелось портить отношения со своим единственным возможным выходом на старика. Судя по всему, Хорхе Кампос прекрасно понимал мою досаду.

– Купи у него какую-нибудь маску, – посоветовал он.

Я ответил ему, что денег у меня едва хватит на то, чтобы заправить машину и купить еду, и что я собираюсь добраться до Лос-Анджелеса одним махом, без остановок.

– Тогда дай ему свою кожаную куртку, – как нечто само собой разумеющееся сказал Хорхе, хотя и произнес это доверительным, значительным тоном. – Иначе ты разозлишь его и тогда запомнишься ему только нанесенным оскорблением. Не стоит говорить ему, что его маски хороши. Просто купи одну.

Когда я сказал Лукасу Коронадо, что хочу обменять свою кожаную куртку на одну из его масок, он удовлетворенно осклабился, взял куртку и тут же надел ее. Он пошел к дому, но, прежде чем войти, сделал какое-то странное круговое движение, опустился на колени перед чем-то вроде алтаря. Он двигал руками, словно вытягивал их, а потом потер ладонями края куртки.

Он вошел в дом, вынес оттуда обернутый газетами сверток и передал его мне. Я хотел задать ему несколько вопросов, но он извинился и сказал, что у него много работы, однако добавил, что если я захочу, то могу вернуться в другой раз.

На обратном пути в Гуаймас Хорхе Кампос попросил меня развернуть сверток. Он хотел убедиться, что Лукас Коронадо не обманул меня. Мне не хотелось проверять, что в свертке, – я был целиком занят мыслью о том, чтобы вернуться к Лукасу в одиночестве и поговорить с ним. Я пребывал в приподнятом настроении.

– Я должен увидеть, что он тебе дал, – настаивал Хорхе Кампос. – Пожалуйста, останови машину. Не существует таких причин или обстоятельств, что позволили бы мне подвергать своих клиентов опасности. Ты заплатил мне за определенные услуги. Этот человек – искусный шаман, и потому он очень опасен. Так как ты оскорбил его, он мог дать тебе заколдованный сверток. В этом случае нам придется быстро закопать его прямо здесь.

Я испытал прилив тошноты и остановил машину. С предельной осторожностью я вынул сверток, но Хорхе Кампос выхватил его из моих рук и развернул. В нем лежали три великолепные традиционные маски племени яки. Хорхе Кампос обыденным, ничуть не заинтересованным тоном заметил, что было бы вполне естественно, если бы я подарил ему одну из них. Я рассудил, что мне следует поддерживать с ним хорошие отношения, пока он не отвел меня к старику, и потому с готовностью вручил ему одну маску.

– Если ты позволишь мне выбрать, я бы предпочел вот эту, – показал он.

Я позволил. Маски ничего для меня не значили, ведь моя цель заключалась в другом. Я бы отдал ему и две оставшиеся, но мне хотелось показать их своим друзьям-антропологам.

– В этих масках нет ничего необычного, – объявил Хорхе Кампос. – Такие можно купить в любой лавке в городе. Они продаются для туристов.

Я видел маски племени яки в городских магазинах. По сравнению с этими они были грубыми поделками. К тому же себе Хорхе Кампос действительно выбрал самую лучшую.

Я оставил его в городе и направился в Лос-Анджелес. Прежде чем попрощаться, он напомнил мне, что я фактически уже должен ему две тысячи долларов, так как он собирается немедленно начать раздавать взятки и готовить мою встречу с той большой шишкой.

– Так что, ты точно сможешь привезти две тысячи в следующий раз, когда приедешь? – нагло спросил он.

Его вопрос поставил меня в ужасное положение. Я был уверен, что он потеряет интерес ко мне, как только я честно признаюсь ему, что сомневаюсь в этом. И я был убежден, что, несмотря на его очевидную жадность, он все же сможет стать моим проводником.

– Я изо всех сил постараюсь найти деньги, – уклончиво ответил я.

– Тебе нужно сделать кое-что большее, парень, – резко, почти зло возразил он. – Я собираюсь тратить собственные деньги, устраивая эту встречу и должен получить от тебя какие-нибудь гарантии. Мне известно, что ты очень серьезный молодой человек. Сколько стоит твоя машина? Может быть, тебе уже выдали розовый листок⁶?

Я сказал ему, сколько стоит моя машина, и отверг предположение об увольнении, но он удовлетворился лишь после того, как я дал ему слово, что в следующий раз привезу с собой всю сумму наличными.

Пять месяцев спустя я вернулся в Гуаймас, чтобы повидаться с Хорхе Кампосом. В то время две тысячи были значительной суммой, особенно для студента. Я решил, что, если он согласится на выплаты по частям, я с удовольствием уплачу ему ту сумму, о какой мы договорились.

Я не смог найти Хорхе Кампоса. Я обращался к владельцу ресторана, но он был озадачен отсутствием Хорхе не меньше меня.

– Он просто исчез, – сказал мистер Рейес. – Я думаю, вернулся в Аризону или в Техас, туда, где у него дела.

Я воспользовался этим случаем и в одиночестве отправился к Лукасу Коронадо. Но, подъехав к его дому около полудня, я не застал и его. Я обращался с вопросами о том, где он может быть, к его соседям, но те воинственно рассматривали меня и не удостоили даже словом. Я уехал, но вновь вернулся к его дому к вечеру, впрочем, без особых надежд. На самом деле я уже собирался домой, в Лос-Анджелес. К моему удивлению, Лукас Коронадо не только оказался дома, но и вел себя вполне дружелюбно. Он откровенно одобрил то, что я приехал без «этой занозы в заднице» Хорхе Кампоса, и пожаловался, что Хорхе Кампос, которого он называл изменником племени яки, получает удовольствие, когда использует своих соплеменников.

Я вручил Лукасу Коронадо подарки, привезенные специально для него, и купил у него три маски, посох с изысканной резьбой и пару ножных браслетов-погремушек, сделанных из коконов каких-то пустынных насекомых, – индейцы яки используют эти браслеты в своих традиционных танцах. Затем я пригласил его поужинать в Гуаймас.

Я виделся с ним ежедневно в течение тех пяти дней, что провел в тех краях, и он обеспечил меня нескончаемым потоком информации о племени яки, их истории и общественной организации, а также о значении и характере их праздников. Эти полевые исследования доставляли мне такое удовольствие, что мне даже не хотелось спрашивать, известно ли ему что-то о старом шамане. Преодолевая это нежелание, я все же спросил Лукаса Коронадо, знаком ли он с тем стариком, который, по уверениям Хорхе Кампоса, был выдающимся шаманом. Казалось, мой вопрос поставил Лукаса в тупик. Он заверил меня, что, насколько ему известно, в этой части страны никогда не существовало подобного человека, а Хорхе Кампос – просто мошенник, пытавшийся выманить у меня деньги.

⁶ Уведомление об увольнении (амер.).

То, что Лукас Коронадо отрицает существование этого старика, стало для меня неожиданным и ужасным ударом. В этот миг я с полной очевидностью понял, что полевые изыскания меня ничуть не заботят. Единственным, что меня волновало, на самом деле были поиски этого старика. Я понял, что встреча со старым шаманом действительно была неким переломным моментом, никак не связанным с моими желаниями, стремлениями и даже мыслями, относящимися к антропологии.

Теперь мне еще сильнее хотелось узнать, кем, черт возьми, был тот старик. Совершенно не владея собой, я начал громко вопить от досады и топтать ногами по полу. Лукас Коронадо был совершенно изумлен моим поведением. Он удивленно уставился на меня, а затем рассмеялся. Я не имел никакого представления о том, над чем он смеется, и извинился за свою вспышку гнева и огорчения, хотя не мог объяснить ему причины своего расстройства. Судя по всему, Лукас Коронадо понял мое затруднительное положение.

– В этих местах такое случается, – сказал он.

Я не понимал, что он имеет в виду, но не хотел просить объяснений. Я был смертельно напуган той легкостью, с какой он отнесся к этому оскорблению. Характерной чертой индейцев яки является их обидчивость. Кажется, что они всегда так и выискивают обиду, которая оказалась настолько тонкой, что ее не заметили.

– В окрестных горах обитают магические существа, – продолжал он, – и они способны влиять на людей. Они заставляют людей сходить с ума. Под их влиянием люди начинают шуметь и нести всякую чушь, но, когда наконец утихают от истощения, никак не могут взять в толк, почему они вели себя так.

– Думаете, со мной произошло что-то подобное? – спросил я.

– Наверняка, – с полной убежденностью ответил он. – Я уже подозревал в тебе предрасположенность сходить с ума по пустячному поводу, но ты всегда вел себя сдержанно. Сегодня ты не был сдержан. Ты разъярился из-за чепухи.

– Это не чепуха, – возразил я. – До сих пор я не понимал этого, но основной побудительной причиной всех моих поисков стал этот старик.

Лукас Коронадо помолчал, словно погрузился в глубокие раздумья, а затем принялся ходить взад-вперед.

– Может быть, вы знаете похожего старика не из этих мест? – спросил я.

Он не понял моего вопроса. Мне пришлось объяснить, что, возможно, тот старый индеец похож на Хорхе Кампоса – то есть это индеец яки, который не живет на землях своего племени. Лукас Коронадо объяснил, что фамилия Матус вполне обычна для этих мест, но он не знает ни одного Матуса по имени Хуан. Затем его будто осенило, и он заявил, что, раз этот человек стар, у него может быть и другое имя и что он мог представиться вымышленным, а не настоящим именем.

– Единственный известный мне старик – отец Игнасио Флореса, – продолжал он. – Он время от времени навещает сына, но приезжает из Мехико. Подумать только, он – отец Игнасио, но ведь он не такой старый. И все же он старый, потому что Игнасио старый. Хотя его отец выглядит моложе.

Он от всей души рассмеялся. Очевидно, он никогда раньше не задумывался о молодом виде того старика. Лукас продолжал качать головой, словно не веря в свое открытие. Я, напротив, испытал новый прилив надежды.

– Это он! – завопил я, сам не понимая, почему так уверен в этом.

Лукас Коронадо не знал, где именно живет Игнасио Флорес, но оказался настолько любезен, что поехал вместе со мной в ближайший городок племени яки и все выяснил.

Игнасио Флорес оказался крупным и дородным мужчиной, возраст которого давно перевалил за шестьдесят. Лукас Коронадо предупредил меня, что в молодости этот здоровяк был солдатом и до сих пор сохранил повадки военного. У Игнасио Флореса были огромные усы – в

сочетании с его свирепым взглядом он показался мне настоящим олицетворением жестокого вояки. Кожа у него была смуглая, а волосы, несмотря на возраст, – блестящие и черные. Сильный и резкий голос, казалось, был предназначен только для того, чтобы отдавать приказы. Я предположил, что он был кавалеристом, – он ходил так, словно на ногах у него по-прежнему болтались шпоры, и по какой-то странной, непостижимой причине я даже слышал звон шпор, наблюдая за его шагами.

Лукас Коронадо представил меня и сказал, что я приехал из Аризоны, чтобы повидаться с его отцом, с которым познакомился в Ногалесе. Казалось, Игнасио Флорес совсем не удивился.

– О да, – ответил он. – Мой отец много путешествует. – Без каких-либо дальнейших вступлений он сразу рассказал нам, где мы можем найти его отца. Сам он с нами не пошел – думаю, из вежливости. Он извинился и вошел в дом строевым шагом, словно участвовал в параде.

Я настроился отправиться к дому старика вместе с Лукасом Коронадо, но он вежливо отклонил мое предложение и попросил отвезти его домой.

– Я надеюсь, ты нашел того, кого искал, и считаю, что тебе следует пойти к нему без сопровождающих, – сказал он.

Я был восхищен тем, насколько деликатны эти индейцы яки, хотя это не мешает им быть столь свирепыми. Мне рассказывали, что яки – дикари, не испытывающие ни малейших колебаний при необходимости убивать, однако, что касается моих личных наблюдений, их самыми примечательными чертами были вежливость и рассудительность.

Я подъехал к дому отца Игнасио Флореса и действительно нашел там человека, которого искал.

– Интересно, почему Хорхе Кампос солгал, сказав, что знаком с тобой? – задумался я в конце своего рассказа.

– Он не лгал тебе, – ответил дон Хуан с уверенностью человека, который смотрит на поведение таких, как Хорхе Кампос, сквозь пальцы. – Он даже не пытался представить в ложном свете самого себя. Он рассматривал тебя как легкую добычу и хотел перехитрить. Впрочем, ему не удалось осуществить этот план, так как *бесконечность* оказалась сильнее. Тебе известно, что он исчез вскоре после того, как повстречался с тобой, и его никогда больше не видели?

– Во всей этой истории наиболее важной фигурой был для тебя именно Хорхе Кампос, – продолжал он. – В определенном отношении он является копией тебя самого. В том, что произошло между вами, ты можешь увидеть кальку твоей собственной жизни.

– Почему? Я ведь не мошенник! – возразил я.

Он рассмеялся, будто знал нечто, мне не известное.

В следующее мгновение, насколько я помню, я оказался в разгаре внутреннего конфликта. С одной стороны, я горячо и пространно принялся объяснять самому себе подлинные мотивы своих действий, представлений и ожиданий. С другой – какая-то странная мысль заставила меня с той же силой, с какой я оправдывал себя, ясно увидеть, что при определенном стечении обстоятельств я мог бы стать точно таким же, как Хорхе Кампос. Вначале я счел эту мысль недопустимой и направил всю свою энергию на то, чтобы опровергнуть ее, но где-то в глубине души мне совсем не хотелось оправдываться в том, что я могу быть похожим на Хорхе Кампоса, – я знал, что это правда.

Когда я поделился своей проблемой с доном Хуаном, он так расхохотался, что несколько раз закашлялся.

– На твоём месте, – заметил он, все еще смеясь, – я бы прислушался к своему внутреннему голосу. Остается понять, что изменилось бы, окажись ты таким же, как Хорхе Кампос, то есть мошенником? Он был дешевым мошенником, а ты стал бы более искусным. В этом вся разница между вами.

Так действует сила *пересказа*⁷. Вот почему маги его используют. Она заставляет тебя понять в себе то, о существовании чего ты даже не подозревал.

Мне захотелось немедленно уйти, но дон Хуан ясно понимал, что я чувствую.

– Не слушай тот поверхностный голос, что заставляет тебя злиться, – требовательно сказал он. – Вслушайся в глубинный голос, который будет направлять тебя начиная с этого момента, – тот голос, что смеется. Вслушайся в него! И смейся вместе с ним. Смейся! Смейся!

Его слова подействовали на меня как гипнотическое внушение. Против своей воли я начал смеяться. Мне никогда еще не было так весело. Я чувствовал себя свободным, сбросившим маску.

– Пересказывай самому себе историю Хорхе Кампоса – снова и снова, – сказал дон Хуан. – Ты найдешь в ней бесконечное изобилие информации. Каждая подробность – часть карты. Природа бесконечности заключается в том, чтобы помещать карты-проекции прямо перед нами, как только мы пересекаем определенный порог.

Затем он очень долго смотрел на меня: не просто скользил взглядом, а *пристально созерцал* меня. Наконец он произнес:

– Хорхе Кампос никак не мог избежать одного – необходимости свести тебя с тем другим человеком, Лукасом Коронадо, который значит для тебя не меньше, чем сам Хорхе Кампос, а может быть, даже больше.

Пересказывая историю этих двоих, я осознал, что провел с Лукасом Коронадо гораздо больше времени, чем с Хорхе Кампосом, и все же наше общение было не таким насыщенным, поскольку перемежалось продолжительными периодами молчания. По своему характеру Лукас Коронадо был неразговорчивым человеком, и, по какой-то странной причине, когда он умолкал, ему удавалось увлекать меня за собой в то же состояние.

– Лукас Коронадо – обратная сторона твоей карты, – сказал дон Хуан. – Разве ты не находишь странным, что он скульптор, как и ты, что он – сверхчувствительный художник, который, как и ты в свое время, пытался найти покровителя своего искусства? Он искал покровителя так же страстно, как ты искал женщину – ту любительницу искусства, что могла бы способствовать твоему творчеству.

Я вступил в новую пугающую борьбу с самим собой. На этот раз в сражение вступила моя полная убежденность в том, что, хотя я никогда не рассказывал ему об этом периоде своей жизни, все именно так и было – и что я не могу найти ни одного объяснения тому, откуда он узнал об этом. Мне опять захотелось немедленно уйти, но это побуждение вновь было подавлено исходящим из глубины голосом. Не пытаюсь уговорить самого себя, я от всей души рассмеялся. Какой-то части меня, пребывающей на глубочайшем уровне, было совершенно все равно, откуда дон Хуан знает об этом. То, в какой деликатной и непринужденной форме он показал, что ему об этом известно, было совершенно очаровательным маневром и никак не влияло на злость и желание уйти, исходившие из моей поверхностной части.

– Очень хорошо, – сказал дон Хуан, энергично похлопывая меня по плечу, – очень хорошо.

В этот миг он казался печальным, словно увидел нечто, недоступное взору обычного человека.

– Хорхе Кампос и Лукас Коронадо представляют собой два конца одной оси, – сказал он. – Эта ось – ты сам. Безжалостный и наглый торгаш, заботящийся только о себе, с одной стороны, и сверхчувствительный, измученный, слабый и уязвимый художник – с другой. Это и могло бы стать картой твоей жизни, если бы не появление еще одной возможности: той, что открылась, когда ты пересек *порог бесконечности*. Ты искал меня – и нашел. Так ты пересек

⁷ Recounting (англ.).

этот порог. *Намерение бесконечности* приказало мне найти кого-то вроде тебя. Я нашел тебя – и так я тоже пересек этот порог.

На этом наш разговор закончился. Дон Хуан погрузился в один из свойственных ему периодов полного безмолвия. Он заговорил только в конце дня, когда мы вернулись домой и присели под тенью рамады, наслаждаясь прохладой после долгой прогулки.

– В твоём *пересказывании* того, что произошло между тобой, Хорхе Кампосом и Лукасом Коронадо, я – надеюсь, ты тоже – обнаружил один очень тревожный момент, – начал дон Хуан. – Я считаю, что это – знак. Он указывает на окончание эпохи; это означает, что ничто уже не может оставаться прежним. Тебя привели ко мне весьма непрочные элементы. Ни один из них не мог существовать сам по себе. Именно это из твоего *пересказа* извлек я.

Я вспомнил, как однажды дон Хуан сообщил мне, что Лукас Коронадо смертельно болен. Его медленно пожирала какая-то неизлечимая болезнь.

– Через своего сына Игнасио я передал ему, что он должен сделать, чтобы выздороветь, – сказал тогда дон Хуан, – но он счел это чушью и даже не захотел выслушать Игнасио. И в этом виноват не Лукас. Весь род человеческий ничего не желает слышать. Люди слушают только то, что хотят услышать.

Я вспомнил, что тогда приставал к дону Хуану с просьбами рассказать, что можно передать Лукасу Коронадо, чтобы помочь ему ослабить физическую боль и душевные страдания. Дон Хуан не только изложил мне, что следует сказать Лукасу, но и продолжал утверждать, что он может легко выздороветь. И все же, когда я пришел к Лукасу Коронадо с советом дона Хуана, тот посмотрел на меня так, будто я сошел с ума. Затем он начал разыгрывать замечательный – но, будь я индейцем яки, совершенно оскорбительный – образ человека, который до смерти устал от всяких непрошенных и надоедливых советчиков. Я решил, что на столь утонченное хамство способен только индеец яки.

– Это мне не поможет, – вызывающе заявил он в конце, раздраженный отсутствием у меня какой-либо чувствительности. – Да это и не важно. Все мы когда-нибудь умрем. Но неужели ты осмелился подумать, будто я потерял всякую надежду? Я собираюсь занять денег в государственном банке. Я возьму их в залог будущего урожая, и тогда мне хватит денег, чтобы купить кое-что, что непременно меня вылечит. Это называется «Ви-та-ми-нол».

– Что такое «Витаминол»? – спросил я.

– Его рекламировали по радио, – с детским простодушием сообщил он. – Это средство лечит все. Его рекомендуют тем, кому не каждый день доводится есть мясо, рыбу или птицу. Его рекомендуют таким, как я, у кого душа в теле едва держится.

В своем стремлении помочь Лукасу я тут же совершил крупнейшую ошибку, какую только можно допустить в обществе столь чрезмерно чувствительных созданий, как индейцы яки, – я предложил ему деньги на покупку «Витаминола». Признаком того, насколько глубоко я его ранил, стал его холодный пристальный взгляд. Моя тупость была непростительной. Лукас Коронадо очень мягко ответил, что сам в состоянии купить себе «Витаминол».

Я вернулся к дому дона Хуана. Мне хотелось плакать. Мое рвение предало меня.

– Не растрачивай энергию на беспокойство о подобных вещах, – спокойно посоветовал дон Хуан. – Лукас Коронадо замкнулся в порочном круге. И ты тоже. Все мы. У него есть «Витаминол», который, по его мнению, является лекарством от всех болезней и решает все проблемы человечества. Сейчас он не может купить его, но страстно надеется, что когда-нибудь сможет.

Дон Хуан уставился на меня своим пронзительным взглядом.

– Я ведь говорил тебе, что действия Лукаса Коронадо – карта твоей жизни, – сказал он. – Поверь мне, это так. Лукас Коронадо обратил твое внимание на «Витаминол» и сделал это так мощно и болезненно, что причинил тебе страдания и заставил разрыдаться.

Дон Хуан замолчал. Это была продолжительная и невероятно действенная пауза.

– И не говори мне, что не понимаешь, что я имею в виду, – добавил он. – Так или иначе, у каждого из нас есть свой «витаминол».

Глава 3

Кем же на самом деле был дон хуан матус?

Часть моего отчета о встрече с доном Хуаном, которую он не захотел выслушать, касалась моих чувств и впечатлений в тот судьбоносный день, когда я вошел в его дом; она связана с противоречивым столкновением между моими ожиданиями и реальной ситуацией, а также с ощущениями, возникшими у меня под влиянием самых экстравагантных идей, какие мне только доводилось слышать.

– Это скорее исповедь, чем описание событий, – сказал мне дон Хуан, когда я попытался рассказать ему об этом.

– Ты не можешь ошибаться больше, дон Хуан, – начал я, но остановился.

Что-то особенное в его взгляде заставило меня понять, что он прав. Что бы я ни собирался сказать, это стало бы лишь пустыми словами, болтовней. Однако для меня то, что произошло во время нашей первой настоящей встречи, имело невероятную важность и было событием первостепенной значимости.

Во время первой встречи с доном Хуаном на автобусной остановке в Ногалесе, штат Аризона, со мной произошло нечто необычайное, хотя моя озабоченность тем, как лучше преподнести себя, исказила восприятие этого события. Мне хотелось произвести впечатление на дону Хуана, и в попытках добиться этого я сосредоточил все свое внимание на том, чтобы, так сказать, показать товар лицом. Осознание странных ощущений, о которых я говорю, начало проявляться лишь несколько месяцев спустя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.